

Теперь мы квиты

Автор:

Виолетта Роман

Теперь мы квиты

Виолетта Роман

Когда любовь – игра, тогда чувства превращаются в поле боя. Она предала меня, а я сделал ей больно. Мы повержены, разбиты. Среди нас нет победителя. Но оказавшись на руинах собственных отношений, я понимаешь одно – мы все, что было друг у друга. А теперь нас нет. Мы квиты. От автора: ВТОРОЙ (ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ) ТОМ ИСТОРИИ О ЛУКЕ!!!! Первый том "Мой запретный"

Виолетта Роман

Теперь мы квиты

Глава 1. Праздник на руинах

Комната вертелась, как гребаная карусель. В ушах постоянный шум, а тело не слушалось. Прикрыл глаза, а там ведьмины – зеленые, наглые, бесячие. Снова злостью накрывает, так что кулаки сжимаются. Мало... Сколько бы не вливал в себя, все равно будет недостаточно, чтобы вытравить эту заразу.

На улице уже светло. Солнце палило из окна, накаляя градус. Нужно было просто встать и закрыть долбаные жалюзи.

Встать.

Закрыть.

Но я не мог и пальцем пошевелить.

– А она смогла, – проговорил вслух и засмеялся, как придурок. Смогла предать. Смотрела каждому из нас в глаза и врал. И это никак не уляжется в моей голове.

Дверь открывается. Я вижу чью—то фигуру, но мне плевать.

– Ты уже с утра нажираешься?

Катя, Катя, Катерина...

– Да я по жизни такой, нажратый, Катюш. Зачем пришла?

На стену плечом облокотилась, и смотрит из—под ресниц своих длинных. Все такая же красивая, как и год назад, когда еще моей была. Любил ее? Не уверен. Закрывал глаза на выкрутасы. Да и сам не был святошей. Но я хотел с ней быть, видел с ней будущее. Но она ушла из моей жизни в тот момент, когда особенно нужна была поддержка. Было больно и я злился. Думал, никогда не смогу простить. А сейчас смотрю на глубокий вырез ее футболки, демонстрирующий четкую тройку, на плоский живот и округлые бедра – и не ёкает нигде. Пох*й. Прошло – забылось. Я хочу, чтобы так же с Ией было. Чтобы воспоминания о ней перестали грызть мой мозг, злить и выводить из себя. Но каждый раз, при одной только мысли – вены крутит так, что внутри все горит.

– Там ребята пришли. Попросили позвать тебя. Нейман проставляется в честь рождения сына.

Кивнул, улыбнулся при мысли о братишке.

– Ну чего мы тут сидим, Катюх? Идем.

Поднялся из-за стола, и, схватив бутылку, направился через зал. Немного покачивало, но я старался держаться ровно.

– Спасибо тебе за работу, – раздался Катин голос рядом. Она не сводила с меня глаз, но мой пьяный мозг никак не мог понять, чего ей от меня надо.

В ответ пожал плечами.

– Где тут наш папаша? – проговорил, стоило переступить порог.

Парни сидели за столом. Там была пицца и несколько бутылок виски, сок и содовая. О, такая движуха мне по вкусу.

– Как для меня старались, – усмехнулся, приблизившись к столу. Наполнил себе бокал и когда вернул бутылку, поднял глаза на присутствующих. Все как один пялились на меня.

В глазах Илая читалось осуждение.

– Десять утра. – он посмотрел на часы, а затем вернул на меня хмурый взгляд. – И ты уже на бровях.

Не вопрос – утверждение. По сути, он был прав. Спорить смысла не было.

– Как там наш боец? Как назвали-то?

Нейман улыбнулся.

– Лука, – произнес с гордостью. – И ты будешь крестным.

Клянусь, если бы я не был так пьян, я бы смог сдержать вспыхнувшие внутри эмоции. А сейчас стоял как баба, и пытался затолкать обратно ком, который встал поперек горла.

– Твою ж... – посмотрел на него с недоверием, но на лице Неймана не было и тени улыбки.

– Иди сюда, говнюк, – притянул к себе, похлопав по плечу. – Я не знаю, что значит быть отцом, брат. У меня и самого-то не было папаша. Но я клянусь тебе,

я буду стараться изо всех сил.

Илай сжал меня в крепких объятиях.

– Я знаю, брат. Знаю. Это было нашим с Нинель решением.

Когда я отстранился, он все еще внимательно смотрел в мои глаза.

– Звони Ослику, пусть подъезжает. Сейчас Марика подтянется и ребята из ресторана. Тренировки я отменил, устроим выходной.

Горечь поднялась по гортани. Я посмотрел на него, и Нейман все понял. Вгляделся в мои глаза, а потом скривился.

– Да ну нах*й...

Я не хотел говорить о ней. Не сейчас. Никогда. Видел, как в комнату входит Марика с Лехой барменом. Их было слишком много. Тех, за кого я и жизнь отдам. Но сейчас я не был готов озвучить вслух то, что произошло вчера вечером. Да и не знал, как сказать Илаю о Потапе. Не стоит омрачать ему праздник.

– Систер, – поцеловал ее, она нахмурилась.

– Ты бухой уже с утра, Варламов. Все нормально?

– У меня крестный сын родился, имею право! – усмехнулся, целуя макушку сестры. Вдохнул запах ее волос, и подумал о том, что аромат той заставлял сердце работать на полную мощность.

Парни завтракали. В основном все пили сок или содовую. Нейман же ни на секунду не спускал с меня взгляда, и это дико нервировало.

– Курить хочу. Не теряйте, – выскользнул из объятий сестры.

И когда уже был в фойе, услышал шаги за спиной.

– Я с тобой, – Катя поравнялась. Заметил, как растрепались ее волосы от бега.

Мне было пох*й. Что есть она, что ее нет. Не было желания даже спорить. В любом случае интересного собеседника в моем лице она не найдет.

Вышел на улицу, съежился от холодного ветра. Телефон в кармане задребезжал, но я сознательно проигнорировал его. Сегодня у меня выходной. Никаких дел.

– Она бросила тебя, да? А ты стоишь и думаешь: «такая же, как и Катя», – проговорила задумчиво, затягиваясь сишкой.

Даже не посмотрел в ее сторону.

– Может не все так, как тебе кажется, Лука? Ты не думал об этом? Порой сделаешь выводы на эмоциях, да не те. Сломаешь все, а потом уж не вернуть...

– Ты чего вернулась то? – покосился на нее. – Слышал, у тебя все в ажуре было. Богатый мужик, тачка, красивые шмотки. Марика светила твоими фотками. Где вы там были? В Дубае?

С ее лица сошла краска.

– Не все то золото, что блестит, Варламов. И не каждый курорт стоит столько, сколько я заплатила.

Я пожал плечами.

– Порой идешь на предательство ради чего-то особенного. А потом понимаешь, что это вовсе не то. А так, дерьмо голубиное под ногами, – посмотрел на нее с улыбкой. Видел, как черты ее лица исказила гримаса злости.

– Придурок! – процедила сквозь зубы, и сорвалась в клуб.

– Даже, бл*ть, спорить не буду, Катерина, – бросил ей шепотом в след.

В этот момент из-за угла завернул черный Рэйндж Ровер. Джип был весь в шипах, с рогами на бампере. У*бище лесное, а не тачка. Такая безвкусица может быть только у одного зажавшегося м*дака.

И тот факт, что этот урод посмел сунуться ко мне в клуб, заставил напрячься.

Тачка остановилась, и со стороны водителя вышел Исай. Кажется, что этот шкаф стал еще шире и больше.

– Варламов, какая встреча, – улыбнулся, помахав ладонью. Не было и капли доброго в его жесте. Жестокий, плюющий на всех на своем пути. Братья Гесс в последние годы набрали силу в городе. Под ними практически все отрасли криминала. Но до этого дня они обходили нас стороной. Когда—то Потап поставил на место Исаю, с тех пор он не контактировал с нами.

Гесс-старший встал прямо посреди проезжей части, и, вытянув из джинсов сигарету, вставил ее в зубы, прикуривая. На его пальцах было несколько серебряных печаток, а косуха с правой стороны изрешечена пулевыми отверстиями.

Я было хотел послать его к черту и на этом закончить разговор, но в следующую секунду из пассажирской двери появился Демид. Вот тогда—то я закипел.

Подошел к нему, спустившись на дорогу.

– Лука, – окликнул меня Дема.

Я обернулся, метнул в него разъяренным взглядом. Не х*р мне указывать, что и кому говорить. Если Огинский решил впустить в свою жизнь криминал и испортить ее, то зря надеется, что я позволю ему это сделать.

– Вот уж не рад, так не рад – проговорил, нагло глядя в глаза Исаю. Он был выше меня, но я его не боялся. И понять не мог, почему весь город дрожит лишь при упоминании его имени.

– В гостеприимстве тебе нет равных, – усмехнулся, не обращая внимания на грубость. – Дело есть. Можем обсудить?

- Нет у нас с тобой дел, Исай. Я Мирону уже все сказал.

Он широко улыбнулся, затянувшись сигаретой.

- Брат говорил, что вы нехило поеб*шились. Не думал, что так нынче обсуждаются дела, - проговорил с усмешкой.

- Считаю, что это дружеским спаррингом, немного вышедшим за рамки.

- Лука, - окликнул Дема. - Послушай, Исай дело говорит.

- Мне пох*й, о каком деле говорит Исай.

Обернулся к Гессу. Он выжидающе смотрел на меня.

- Ответ тот же, что дал твоему брату. Мы не связываемся с криминалом. Ни один из моих бойцов не станет с тобой работать. И какие бы дела вас не связывали с Демидом, больше он не с тобой, все ясно? Узнаю, что ты моего бойца по своим подземкам таскаешь...

Выпустил дым сигареты. Гесс напрягся. Видел, как полыхнуло пламя в его глазах.

- Сделаешь ЧТО, Варламов?

Подошел к нему, задрал голову, посмотрел в глаза его наглые.

- Не. Суйся. К моей. Семье, - проговорил с нажимом, с расстановкой. - Стволами не только вы можете похвастаться, Гесс. Ты знаешь меня.

- Знаю, - кивнул Исай. - Но ты подумай, Варламов. Такие как вы, нужны нам.

Он садится в тачку и уезжает.

- Ты как? - Огинский поднимает напряженный взгляд, и я замечаю ссадину под его бровью. Твою ж!

Сжимаю пальцами глазницы. Бл*ть, как бы не сорваться.

- Слушай, у меня все под контролем, - начинает было Демид.

Я смеюсь.

- У меня тоже было, Дем... - не успеваю договорить.

Вдруг рядом с нами, едва не сбивая, тормозит тонированный фургон. И как только останавливается, из него градом сыпятся люди в скафандрах.

- Мордой в пол! Лежать! - кричит самый наглый, буквально сбивая меня с ног. Он давит на лицо, выламывая до боли руки за спиной.

- Больно, бл*ть! Легче! - слышу рев Демы, - повернув голову, вижу, что и его положили.

- Варламов Лука Алексеевич, Огинский Демид Владимирович? - раздается голос над головой. Я не вижу лица его хозяина. Все что я могу лицезреть - его лакированные туфли и брюки в клетку.

- Вы задержаны по подозрению в совершении преступления предусмотренного пунктом «Ж» части 2 статьи 105 УК РФ.

Меня вздергивают за руки, и я буквально повисаю в воздухе. И сейчас на меня смотрит тот самый следователь, с которым я встречался вчера.

- Ребят, грузите пассажиров.

Глава 2. Пойман, но не сломлен

- Рад нашей встрече, - сегодня Казанов выглядел намного бодрей.

Да и тон следака разительно изменился.

После утренней встряски с ОМОНОм я немного протрезвел. Но все равно не мог понять, что происходит. Ясное дело, что здесь был замешан Вершинин и ничего хорошего нас не ждет.

– Не могу ответить тем же, – усмехнулся, потирая натертые наручниками запястья.

– Ясное дело, – с его губ сорвалась усмешка. – А вчера так красиво играли, будто не знаете убитого Архарова Давида Сергеевича. Так правдоподобно удивились новости о пистолете. Я даже поверил, еще и посочувствовал вам, – на губах мента застыла улыбка.

– Признаю, теряю хватку. Не сразу получилось сложить все детали пазла в единую картину. У вас же был довольно весомый мотив.

Последнее слово костью в горле застряло. Я даже поперхнулся.

– Не поясните?

Следак сохранял спокойствие.

– Я про оружие. Он лежал четко на трупе Архарова, а убит он был ножом. Это значит, что пистолет был посланием ему и всем его поделщикам, – Казанов приблизился, посмотрел на меня в упор.

– Не молчите, Лука. В ваших интересах начать сотрудничать со следствием. Вы же знаете, что признательные показания сыграют на суде в вашу пользу.

С губ сорвался нервный смешок. Голова начинала болеть все сильнее, и меня нервировало то, что я ни хрена не понимаю.

– Может быть вы мне расскажите, чтобы сотрудничество было более плодотворным? Ей богу, гражданин начальник, голова болит зверски, не в то время вы меня в гости пригласили, – откинул голову на стену.

В висках пульсировало. Алкоголь отпускал, и если вспомнить, сколько я в себя влил за ночь – худо мне здесь придется в ближайшие сутки.

Он впивается в меня гневным взглядом. Только мне сейчас плевать. Если даже отмудохать меня решит, я ж ничего не скажу. Даже вариантов нет.

Взяв со стола ноутбук, подходит ко мне и ставит его напротив. На экране запись на «паузе». Он включает воспроизведение.

Черно белое изображение. Немного размыто, не видно лиц. Запись с видеонаблюдения. Но, по одежде, фигуре и прическе можно понять, кто именно на ней. Я отчетливо вижу, как мы с Демидом заходим в дом Давида. И в моих руках ствол.

– Нет-нет, вы не отворачиваетесь. Тут продолжение.

Он включает запись снова и теперь, спустя время, мы покидаем двор Архарова, озираясь по сторонам.

Я замираю. Мышцы дубеют, мысли вялые, ленивые. И в то время, когда нужно собраться, я полностью разбит. Будто только сейчас понимаю, что все по серьезке. Вот он я – вчера на ринге дрался с лучшим другом, меня предала любимая, а сегодня я зек за решеткой. И казалось ведь, что хуже некуда.

– Откуда у вас это? – поднял усталый взгляд на Казанова.

Он внимательно следил за моей реакцией.

– Анонимный доброжелатель прислал мне на почту сегодня ночью...

Я засмеялся. Прикрыл глаза, выдыхая. Ну, бл*ть, Вершинин, ты тот еще лось. Обставил меня в очередной раз. Поставил раком и отымел по-полной.

Здесь стоял ужасный запах. Будто кто-то сдох и неспешно разлагался, отравляя наше пребывание в этой конуре. Меня постоянно мутило, но такое состояние

могло быть просто отходняком после попойки.

Темное подвальное помещение с обшарпанными стенами, восемь шконок – одна на другой. Грязный нужник в углу комнаты и железная дверь. Воздух здесь совсем не циркулирует, от этого создается ощущение удушья. В голове не хватает кислорода, отчего мысли становятся вялыми, путаются.

Дема сидел справа от меня. С виду абсолютно спокоен, словно уже не раз бывал в местах не столь отдаленных. На его скуле красовалась свежая ссадина и синяк – спецназовцы отработали свой хлеб на пятерочку. Усмехнулся. Хорошо, что лиц не видно, Дема был бы не прочь выйти потом с каждым «раз на раз».

– Как думаешь, надолго мы тут? – раздался его тихий голос. Я видел, как в нашу сторону недовольно покосился зэк с противоположной койки. Помимо нас, здесь было трое. Не уверен, что хочу с ними общаться или заводить знакомства. Но и о правилах жизни в подобных местах наслышан. Сюда со своим уставом лучше не соваться, поэтому я подошел к Деме и сел рядом.

– Уже темно. На ночь точно здесь останемся, – произнес тихо, хотя понимал, как это бредово звучит. Боюсь, как бы на десятку не заехали в эти места.

Дема поднял голову, посмотрел на узкое окно вверху стены. Длинной оно было не больше вытянутой ладони.

– Это Вершинин подсуетился, ты ведь понимаешь? Записей не было, Лука. Я проверял лично.

Что-то не сходилось. Я все крутил ситуацию в голове и не мог понять, как это можно было повернуть. Записей не было, да и камеры находились в нерабочем состоянии, когда Дема осматривал их в операторской.

– Полтергейст сраный, бл*ть, – засмеялся, устало растирая ладонями лицо.

Дема продолжал напряженно пялиться в стену.

– Или тот, кто это сделал, находился в доме...

Я замер, удивленно подсмотрел на него. Но он ни хера не шутил.

– И как только мы ушли, он снова врубил камеры, – проговорил Огинский, уже глядя мне в глаза.

Это звучало полным бредом, но в любом случае, тот, кто подставил нас, продумал все до мелочей.

От этих мыслей не по себе стало, снова злость по венам растеклась. Поднялся со шконки, уперся лбом в стену. И если это часть какого-то плана, тогда все еще более грязно.

И самое смешное, что сейчас меня волновал не грозящий нам срок. Нет. Единственное, что не давало покоя – это она. Какую роль играла Ия в этом схеме? Пешкой, которую Вершинин умело разыграл в своей партии? Или Ослик не знала о планах Ромы, когда просила меня пойти и отыскать ствол? Ведь одно дело, скрывать от меня правду об убийстве Потапа, и совсем другое – знать, что толкает меня на приличный срок.

Зарычал глухо, зажмурился. От этих мыслей хотелось лезть на стену. От беспомощности своей, от понимания того, что оказался круглым идиотом. Твою мать!

За спиной раздался лязг металлического засова. Маленькое окошко открылось, и в нем появилось злое лицо конвоира.

– Варламов! К стене, мордой в пол.

Почувствовал, как ледяной металл стальными оковами обхватил запястья. Мент толкнул меня в спину, заставляя идти вперед.

Мы прошли несколько секций и поднялись по лестнице. Возле одной из металлических дверей, он остановился.

– К тебе посетитель. У вас пятнадцать минут.

Сняв с меня наручники, буквально впихнул в комнату. Она была небольшой по размерам. Из мебели только было стол и два стула, привинченных к полу.

И когда я увидел того, кто пришел на разговор – внутри все льдом сковало. Ну уж нет! Только, бл*ть, не ты. И точно не сейчас.

Он сидел за столом. Руки сцеплены перед собой, взглядом в пол уперся. Спина сгорбленная, изрезанная хребтами мышц. На виске пульсирует жилка, а лоб весь в морщинках.

Он был напряжен, словно камень. Подобное его состояние мне знакомо. И оно не сулит ничего хорошего.

Подошел к столу и прикрыл глаза, понимая, что неприятного разговора не избежать. Не хотел я, чтобы он вот так все узнал.

– Как давно ты в курсе? – раздался его тихий, вибрирующий от напряжения голос. Видел, как Нейман сжал кулак.

Грудь обручем стянуло от понимания того, на что он пошел ради меня. Илаю невероятно сложно сидеть в этих стенах. Даже так, в роли посетителя это дается ему с титаническим трудом. Он несколько лет провел за решеткой, и сейчас, бьюсь об заклад, брат ловил не самые приятные «камбэки».

– Узнал после боя, когда Казан вызвал меня и сообщил о твоём отце. Прости, я не хотел портить тебе такой день.

Я опустился на стул напротив. Его взгляд был бешеный, он то и дело разминал костяшки, прожигая меня глазами. Злость сочилась из каждого его жеста, она витала даже в воздухе, резонировала от глухих стен комнаты, возвращаясь ко мне. Давя. И я понимал его гнев, ведь я чувствовал то же самое сейчас.

– Почему взяли тебя и Дему?

Я пожал плечами.

– Им просто нужно было кого—то взять, – проговорил в тишину, а в следующую секунду меня подняло со стула и к стене припечатало.

Он рванул на меня зверем, а я среагировать не успел. Вот сидели друг напротив друга, а в следующую секунду он прижимает меня локтем за горло, не давая вырваться.

– Хватит мне врать! – рычит.

Резко отталкиваю его, уходя из захвата.

– Пошел ты, – цежу сквозь зубы, отходя к противоположной стене. Вытираю рукавом выступившие над губой капли пота.

– Варламов, речь о моем отце! О том, что наказали неповинных людей в его смерти, а ты молчишь?!

– И что я должен был сделать?! Позвонить тебе, в то время, как ты в роддоме с женой и ребенком?! И сказать, что нас кинули?! Что Вершинин обвел вокруг пальца всю нашу семью?!

– Вершинин?...

Я видел, как краска сошла с его лица. Всего на мгновение. И только для того, чтобы заполнить его глаза огнем.

Передернул плечом. Чувствовал себя виноватым. Но я не собирался каяться перед ним. Мне еб*ть, как надоело все происходящее. Илай заслуживает право знать правду. Жаль, что все произошло таким образом, но изменить прошлое я не могу.

– Вершинин убил Потапа из пистолета Глеба, – проговорил сдавленно, устало растирая ладонями лицо. – А потом, в нужный ему момент, Рома завалил своего начальника безопасности и подбросил ствол, как наживку ментам. Чтобы стрелки перевести на нашу семью...

– Рома завалил своего безопасника только для того, чтоб подставить нас?

– Я не знаю, что у них за терки были. Может, Давид перешел Вершинину дорогу. Он, вроде как, шантажировал Рому, грозя слить компромат со стволом. Ия рассказала мне, и я хотел забрать его, спрятать.

Нейман приближается вплотную. Мы стоим и смотрим друг другу в глаза. И я вижу, как злость в его карих глазах сменяется болью.

– Поэтому взяли именно тебя и Огинского?

Кивнул. В горле тут же пересохло. Понял сейчас, что даже говорить о предательстве Ослика не могу.

– Мы были там. После смерти Давида мы находились в доме. Я должен был найти ствол и разобраться с этим ублюдком, но я, бл*ть, не знал, что из того же пистолета убили Потапа, бро... Я... – скривился, чувствую снова еб*чий ком поперек горла. Отвернулся, чтобы перевести дыхание.

– Если бы я знал... я бы суку разорвал на части. Рома бы кровью харкал, брат...

Внутри горело все, и с каждой минутой это ощущение становилось только сильнее. Совсем, как тогда, во дворе у Ромы. Когда я в глаза ее смотрел и подышал.

И он видел. Не знаю, как, но Нейман все в глазах моих прочел. Скривился, словно самого сейчас ломало от моих ощущений.

– Это она, – с его губ сорвался горький смех. Отвернулся, зарычал сквозь стиснутые зубы – Да ну нах*й, бро, она ведь знала...

Он притянул к себе, упираясь лбом.

– Я убью суку... – чувствовал, как его трясет. – Рома уже сегодня будет подыхать в канаве, – прорычал Нейман.

Его слова разозлили.

– Иди к черту! – рыкнул на него. Отошел подальше, стараясь успокоиться.

– Даже не вздумай, Нейман, слышишь? Даже думать забудь об этой х*йне! На тебе жена и дети, на тебе клуб! Я не знаю, насколько здесь и сейчас, как никогда нужно усилить защиту семьи. Ты думаешь, они не ожидают такого исхода?! Да они, бл*ть, спят и видят, когда ты возьмешь пушку и пойдешь к ним. А потом обставят все также, как со мной. И глазом моргнуть не успеешь, как окажешься за решеткой. Не позволяй этим шакалам раздербанить наш клуб на куски, слышишь?

Он молчал. Смотрел на меня из—под хмуро сведенных бровей.

– С ней что делать? Она нужна тебе?

– Не троньте ее, брат. Она сделала свой выбор. В любом случае, все что случилось – только мой косяк.

Илай усмехнулся.

– Это дичь полная, ты знаешь. Но я понимаю тебя. Я сам бы поступил также.

Я кивнул.

– Что у них на вас есть?

– Камеры видеонаблюдения. Скорее всего, это Рома отправил их Казанову. Там видно, как мы с Демой заходим и выходим из дома Давида.

– Отпечатки на стволе?

– Нет. Его там не было. Мы не нашли. А потом, чудесным образом оно появилось, – усмехнулся в очередной раз.

– Сука, – рычит Илай, нервно потирая виски. – У нас турнир на носу, тебе нужно быть в клубе. Я один не вытяну. Дратся – это одно. Но делать то, что делаешь ты, я не умею.

Я понимал, что он не пустой пришел. Уже есть какое—то предложение. Да и пройти ко мне на свиданку, так просто у него бы не вышло.

– Говори...

Сказал, а у самого похолодело все внутри. Уже догадывался, о каких вариантах пойдет речь.

– Я говорил с Исаем...

Даже знать не хочу.

Нейман оскалился.

– Дослушай, а потом посылай все и вся! Он предлагает сделку. Гесс вытягивает вас отсюда, а ты, в свою очередь, соглашаешься на работу с ним. Временную работу, в течение года. Но там нет никакой херни, типа подпольных боев, наркоты или макрухи. Ничего особо криминального...

– Ничего криминального? – усмехнулся. – Илай, ты хотя помнишь, кто такой Исай? Ты помнишь, что за терки у него с Потапом были? Наркотрафик, оружие, грабежи и угоны – все самое стремное связано с братьями Гесс. И, если ты не хочешь закопать нас глубоко, ты просто сейчас от*бешься от меня с Гессем.

– Я знаю, кто такой Исай, – проговорил зло. – И всегда был против криминала, но речь идет просто о помощи. Я бы не согласился на что—то грязное, слышишь?

Он подходит ко мне.

– Через клуб будут проходить суммы, – шепотом, склонившись к плечу. Понимаем оба, что здесь и стены имеют уши, но другого варианта нет.

– Ему нужен способ прогнать бабки с дел. Да, это нездоровая х*йня, мы можем встрять. Но, если ты зависнешь здесь на пятнашку – будет намного хуже.

Нейман отстраняется, в глаза мне смотрит.

- Ты мне нужен, Варламов. А моему сыну нужен крестный, так что запихни свои принципы глубоко в себя и подумай о семье!

Я не могу на это пойти. Один раз уже там был, и слишком большую цену пришлось заплатить.

- Из-за этого убили Потапа. И я был зачинщиком...

- Тогда был выбор. Сейчас - нет. Мы должны рискнуть.

- Нет.

Внутри все разрывало. Подошел к двери и постучал пару раз, желая убраться отсюда. Не позволю Нейману зарыть нас всех в глубокую яму. Есть другой выход. Мне просто нужно время, чтобы найти его.

- Лука, - окликнул Илай.

Слышал, как скрипит дверной засов. Обернулся, посмотрел на друга. Он стоял посреди этой маленькой, убогой комнатки. Высокий, здоровый шкаф. Братское сердце, пусть даже с неподходящей мне группой крови. Они - моя семья. И я не хочу подставлять их будущее ради собственной свободы.

- Мне нужен ответ сейчас, - проговорил негромко, ни на секунду не отпуская моих глаз. - И ты понимаешь, что речь идет не только о тебе. Замешан Дема, а у него мать больная. Ты же не хочешь сломать жизнь пареньку?

Прикрыл глаза, стиснув челюсть. Знает ведь, чем брать.

- На выход, - рыкнул конвоир.

Я послушно прошел в коридор и встал лицом к стене. Прикрыл глаза, пока мент надевал оковы.

«У тебя просто нет другого выбора, и ты это прекрасно знаешь».

Громкий голос Неймана эхом в ушах. На всем пути до камеры. Ни на секунду не отпускал.

Глава 3. А как ты справляешься с болью?

Ия

Холодно. Кажется, каждая клетка тела уже пронизана насквозь омерзительным состоянием. Он ушел. И правильно сделал, что ушел. Такие, как он не возвращаются.

Варламов никогда не должен был стать моим. Вселенское недоразумение, глупая ошибка – вот к чему сводится итог нашей с ним первой встречи. Я ничтожество. Уродливое и жирное. Зеркало, рассыпанное осколками, под моими ногами – лучшее тому доказательство.

Я ненавижу свое отражение и больше никогда-никогда не хочу себя видеть.

И он не должен видеть рядом такую, как я. Лука достоин совершенно другого, кого-то под стать себе. Сильный, обаятельный, избалованный красотой вокруг себя. Верю ли я, что все время он был со мной лишь ради мести Роме? Не знаю. Боюсь. Если окончательно удостоверюсь в этом – не вынесу.

Не могу подняться с пола, хотя понимаю, что пора принять душ и кончать с той дичью, что я творю с собой. Но я не могу остановиться, это вышло из—под контроля.

Меня тошнит. Две пустых коробки из—под пиццы, огромный контейнер еще полчаса назад был заполнен едой. Пустая упаковка из под круассанов и банка колы. Меня до сих пор мутит, хотя желудок пустой. Гортань содрана, сердце бьется так, что кажется вот-вот покинет мою грудь. Но мне и на это плевать.

Зачем подниматься, к чему стремиться? После того, что случилось во дворе, Лука никогда даже не подойдет ко мне.

Я видела драку Ромы и Луки, видела то, как Оскар ударил Варламова. На тот момент я была зла на Луку и в глубине души ненавидела их всех за это. Я не знаю, о чем именно они разговаривали. Оскар молчит, как рыба. Он считает, что мне лучше держаться подальше от Луки и всего, что с ним связано. По крайней мере, сейчас, в такие смутные дни. Помощник Глеба прав, только он не понимает, что кроме Варламова у меня и нет больше никого. Глеба нет, мамы... я одна... я совсем одна.

Раздается стук в дверь. Я вздрагиваю. Кто это может быть? Уже три дня я практически не выхожу из комнаты, находясь в аду. И если днем удается немного поспать, то к ночи накрывает так, что страшно становится. И уже считаешь часы до того, как настанет рассвет. Когда попустит хоть чуть—чуть. Недостойная. Уродливая. Я не знаю, кто сделал ту запись разговора, но это и не важно, как не важно и то, что для Варламова моя внешность была не главной. Он видел меня не такой как видят все. Это для других я была безобразной коровой. Но, думаю, рано или поздно я приелась бы ему... и он вернулся бы к стройной и красивой модели.

Засмеялась горько. Успокаивай себя, Ия. Ты же прекрасно понимаешь, что сама, вот этими корявыми руками испортила все. Лука никогда не вернется. Точно не после того, что случилось во дворе. Не после того, как я прогнала его. Дура! Но в тот момент мне казалось, что земля уходит из—под ног. Слышать такие слова от него и Остапа – словно ножом гниющие раны ковырять. Было больно. И моя грубость и холодность была лишь моим бронежилетом... Когда он уходил, я смотрела в его спину широкую, на его плечи и думала только, чтобы не сорваться следом. Броситься ему в ноги и умолять. Молить, чтобы сказал, будто те слова – неправда. Будто не было этого, будто сморозил просто так, не подумав, с пьяну. Чтобы посмотрел на меня как раньше... Врал? Если «да», то пусть врет до конца.

А потом ужаснулась от собственных мыслей. Униженная, раздавленная, а я все за ним ползти хочу. Готова все отдать, только бы не уходил, забрал меня с собой. Ненавижу. Не хочу.

Отбрасываю в сторону коробки из-под еды. Стук в дверь нарастает, и когда достигает своего крещендо, я закрываю глаза, и начинаю кричать. Так, что

снова начинаются позывы, и, склонившись над унитазом, меня снова выворачивает наизнанку. И поделом.

– Ия, открой! – Оскар. Значит, вернулся из поездки. Это радует только потому, что теперь не придется быть в одиночестве в этом огромном доме. Оскар выгнал Рому и поставил охрану по всему периметру. Он проверил еще несколько квартир, принадлежащих Глебу. Мы знали сразу, что найти брата там практически невозможно, но хотели быть уверенными, что сделали все, что от нас зависит.

Вытираю рукавом рот и, поднявшись с пола, умываю лицо под проточной водой. Плетусь к двери, игнорируя стоящий по правой стороне шкаф с заклеенным бумагами зеркалом. Этого дерьма больше не будет в моем доме.

Едва успеваю открыть замок, он вваливается ко мне. Во взгляде тревога и немного безумия. Оскар осматривает пространство, кривится от бардака. Пустая посуда после ночных срывов, смятая постель. Я так и не убрала ничего, хоть и каждый день собираюсь навести порядок, а потом начать жить заново.

– Ты как? – он смотрит на меня с жалостью. Не хочу с ним говорить. Открыла дверь лишь потому, что надеялась, что Оскар поделится новостями о брате.

– Узнал что—то?

Он хмурится. Не нравится то, как я перевожу тему разговора.

– Мне жаль, – устало трет лоб. – Сегодня поеду в компанию. Рома что—то мутит. Думаю, пытается выводить деньги. Я нужен здесь, но Глебом занимаются мои люди.

Я кивнула. Все, что он сказал, не имело значения. Ничего не имело.

– Я хочу вернуться в свою квартиру. Твои люди даже за ворота не выпускают меня.

Я видела, как он напрягся, когда бросил злой взгляд в окно. Меня бесило, что Оскар все это время не брал трубку, а я, как ни пыталась, так и не смогла выйти

за пределы дома.

– Не думаю, что находиться в другом месте сейчас для тебя хорошая идея. У семьи непростые времена, лучше держаться вместе.

Мне хочется послать его, но я лишь пожимаю плечами. Мне все равно. Пусть хоть весь мир катится в бездну.

Оскар никуда не уходит. Продолжает возвышаться огромной скалой в моей комнате. Он не сочетается с моим настроением и интерьером. Одетый с иголки, аккуратный во всем, почти педант. Один только его внешний вид с усладой подпитывает мой комплекс неполноценности. Лучше бы ему уйти.

И когда я уже пытаюсь сказать об этом, Оскар выдает:

– Ты не могла бы приготовить мне что—нибудь поесть. Дом работница выходная, а я с самого утра ничего не ел.

Он так смотрит на меня смущенно. И я ругаю себя за злость. В конце концов, во всем случившемся с нами, вины Оскара нет. Он – единственный, кто продолжает находиться рядом со мной. И как бы плохо мне не было, я обязана поддержать его.

– Да, какие вопросы – улыбаюсь смущенно. – Дай мне пару минут. Нужно принять душ и переодеться.

Он кивает. Мнется на месте, словно хочет сказать что—то еще, но не решается. В итоге, пробубнив что—то тихое себе под нос, покидает мою комнату.

Принимаю душ, и, переодевшись, достаю телефон из тумбочки. Выключен. Уже три дня. Не хочу включать и разочаровываться, не увидев ни одного пропущенного звонка или смс. Знаю ведь, что для него теперь меня не существует. Помню историю с Катей, тогда он поступил точно также. Я не нужна ему. А сейчас, когда я не вижу «электронной пустоты», мне проще. Надеяться в глубине души и думать, что все может измениться. Пусть сказка, пусть глупые мечты, но только они держат меня на волоске от...

Спускаюсь на первый этаж. Ужасный шум режет слух. Звук работающего мотора, какой—то грохот. По гостиной ходят мужчины в спецовках, выгружая мебель. Практически вся комната заставлена различными гарнитурами.

- Что здесь происходит?

Но они будто не слышат меня. Проходят мимо. Я иду за ними, и на крыльце замечаю Юлю. Ромкина жена, будто дирижер оркестром, руководит грузчиками.

- Не разбейте, эта статуэтка бешеных денег стоит! - кричит на одного неуклюжего, а когда оборачивается и замечает меня, хмурится.

- Не стой на проходе, - бросает небрежное, отворачиваясь.

А я закипаю от злости. Понимаю ведь, что задумала. И просто не верю, что этой суке хватает наглости! Еще неизвестно, что с Глебом, а они свои вещи в его дом ввозят! Вот уж две змеюки.

Сцепив кулаки, сбегая по ступенькам, направляясь к белобрысой тваре. Если она думает, что я позволю ей это сделать - сильно ошибается!

- Миша! - зову начальника охраны. Мужчина, занятый разговором с водителем грузовика, подходит ко мне.

- Пусть грузят все обратно и уматывают, - в моем голосе сталь. Сама себе удивляюсь.

Мужчина выглядит растерянно. Переводит удивленный взгляд с меня на Юлю.

- Ты слышал? - произношу с нажимом.

Кивнув, он что—то говорит в рацию и направляется к водителю.

- Ты совсем оху*ла?! - взвизгивает Юля, едва ли не налетая на меня.

Но мне плевать, даже если она решит вцепиться мне в волосы. Я даже с места не сдвигаюсь.

- Ни тебя, ни Рому сюда никто не приглашал, поняла?

Нагло в глаза ее злые смотрю, чувствуя стук собственного сердца в висках. Я нахожусь в диком напряжении, каждая мышца тела наготове. Не позволю им и это забрать. Дом – единственное место, позволяющее мне думать, что с Глебом все хорошо, он скоро вернется.

- И с чего ты вдруг решила, что имеешь право что-то вякать?! Ты тут никто! Думаешь, не знаю твоей сущности? – она походит ко мне вплотную, скалится мне в лицо. С трудом пересиливаю рвотный рефлекс от запаха ее духов.

- Сначала пряталась за Варламовым, но теперь и ему нахер не нужна! Он ведь узнал о том, кто был убит из пистолета, который ты просила найти, – рычит, с упоением наблюдая, как с моего лица слетает маска равнодушия.

Значит, Варламов знает.

- Ты смотрела ему в глаза и врала, деточка.

- Пошла ты, – отталкиваю ее. Не хочу видеть.

- Я уже пришла. Это мой дом, а ты свалишь со своим прихвостнем Оскаром куда подальше!

Она оборачивается к охраннику.

- Миша, возвращайте все на место! Я сейчас Роману позвоню, И ты, сукин сын, лишишься работы!

Охранник замирает, зло глядя на нас. Грузчики уже начали возвращать мебель в машину.

В этот момент в дверях появляется Оскар. Миша срывается к нему, пытаюсь решить этот вопрос. Оскар опускает взгляд, наши глаза встречаются. И я прошу

его, чтобы он поддержал. Чтобы не дал этим тварям подобраться так близко к Глебу. Всего несколько минут разговора и грузчики еще быстрее принимаются загружать в машину мебель.

Юля в бешенстве.

– Ты хоть понимаешь, что сделает с тобой Рома? – теперь Юля переводит свой гнев на него.

Только Оскару плевать на ее истерики. Даже не удостоив ее ответом, он возвращается обратно в дом. Я направляюсь туда же. До сих пор в моей голове звучат ее слова. Теперь я понимаю, почему Варламов был в таком состоянии в последнюю нашу встречу. Понимаю, почему он подрался с Ромой и так зло смотрел на меня. Дело было не в том, что он нашел меня в Ромином доме, когда я вдруг пропала с его радаров. Он решил, будто я предала его... Это так больно! Ведь со стороны так все и выглядит. Я действительно просила его найти пистолет. Представляю, как он ненавидит меня сейчас. От этих мыслей еще больней. Я ухожу в себя не замечая, как ко мне снова приближается Юля и хватает пальцами мое плечо, заставляя остановиться.

– В следующий раз я вернусь сюда с Ромой. Не думай, что Оскар сможет долго тебя защищать. Он такой же, как и ты. Такой же гнусный и скользкий предатель. И делает он все это лишь для того, чтобы самому заграбастать наследство Глеба! У тебя был шанс, милочка, начать жить нормально. Когда Варламов был с тобой. Он, конечно, тот еще мудака, но честный и за своих стоит горой. Но не после того, что ты ему сделала... – ее слова были пропитаны ядом.

А я стояла, смотрела на нее сквозь пелену, и чувствовала, как меня снова накрывает.

– Я хотя бы скрывала правду, не желая ранить Луку, – голос был севший. Я говорила сквозь ком в горле. – Боялась его потерять. А ты, Юля? Ты чем руководствовалась, когда через год после смерти Потапа выскочила замуж за его убийцу?! Или это как-то делает тебя ближе к Нейману старшему? Из его семьи ведь никто больше тебя не хочет.

Не успела договорить, скулу обожгло болью. Я схватилась за ушибленную щеку, метнув в нее злой взгляд.

– А с тобой разве все иначе? Ты просто уродливая ошибка природы. Запомни это! – процедила она сквозь зубы. – Если бы не вечное желание Глеба помогать всякому отрепью, ты бы и дальше оставалась в своем Мухосранске!

Она схватила меня за волосы, снова замахнувшись для удара.

– Юля! – раздался сверху рык Оскара. Девушка подняла на него глаза.

– Если еще раз, хотя бы замахнешься на Ию, я прострелю твою пустую головку. Ты знаешь, для меня это не проблема, – на его губах застыла садистская улыбка, а голос был пугающе ровным и тихим.

– Тварь, – прошипела она.

Выпустив меня, сорвалась вниз по ступенькам. Грузчики как раз успели собрать все обратно в машину и уже направлялись к воротам.

Я стояла и смотрела ей в след. И думала о том, что сейчас я ничем не лучше Юли. Такая же предательница.

– Ия, – позвал меня Оскар. Я подняла на него глаза.

– Мы кушать сегодня будем? – улыбнулся, с добротой глядя мне в глаза.

Кивнула в ответ и направилась в дом.

Глава 4. И поделом

– Завтра нужно будет съездить вместе в компанию. Подписать кое-какие бумаги, – Оскар допивает кофе и, вытерев рот салфеткой, поднимает на меня глаза.

Все это время я не могу перестать думать о Луке, и о том, что сейчас с ним происходит.

- Ты же все слышал, - слетает с губ прежде, чем я успеваю себя остановить. Я обижена на Оскара.

Он хмурится непонимающе.

- Ты же знал, о чем был разговор Луки и Ромы, и почему они подрались. Почему не сказал мне? Почему не объяснил, что Варламов все узнал?

Мужчина опускает глаза на сцепленные перед собой руки. Равнодушно пожимает плечами.

- Моя задача - обеспечить твою защиту и сохранить состояние Глеба от растерзания. Все остальное - не имеет значения.

Ладно, это я еще могу понять.

- Каким образом нашли пистолет у Давида?

Он поднимается из-за стола.

- Мне пора. Тебе нужно в город? Могу подвезти, - словно не слышал моего вопроса, ставит посуду в мойку и направляется к выходу. Но я замираю в дверях, всем своим видом показывая, что ему никуда не уйти, пока Оскар не ответит на мой вопрос.

Оскар недовольно щурится.

- Давида нашли убитым, кто-то всадил нож ему в грудь. Ну и рядом был тот самый ствол.

- Убили? На самом деле убили?

По спине пробегает холодок. Помню, как Варламов обронил что—то по поводу Давида, но я не восприняла эти слова всерьез. Этот дуралей вечно шутил и я посчитала, что это очередная его байка.

– А кто его убил? – спрашиваю, а у самой внутри все леденеет.

– Не знаю. Убийцу ищут. Ия, прости, мне правда пора, – схватив меня за плечи, он приближается и целует в висок.

От столь неожиданного действия, теряюсь.

– Если решишь поехать в город, пожалуйста, бери с собой Мишу. Тебе сейчас не следует гулять одной. После сегодняшнего инцидента с Юлей, уверен, он разозлится еще больше.

Оскар ушел, а я, вымыв посуду, поднялась к себе в комнату. Внутри меня была такая странная, некомфортная тишина... И я не знала, что с ней делать. Хотелось избавиться от нее. Уж лучше прорыдаться, прокричаться – так хоть немного попустит. А эта глухота душила изнутри.

Он ведь действительно не вернется. Не придет ко мне. Вспоминаю его последний взгляд, и теперь понимаю его как никогда. Разочарование, презрение и боль. Я скрывала от него правду. Варламов имеет право думать так, как он думает обо мне.

Мне нужно было что-то делать. Я не могла и секунды оставаться на месте. Отшторив окна, принялась собирать мусор с пола и стола. Заправила постель, пропылесосила и протерла пыль. А когда опустилась на диван в совершенно чистой и свежей комнате, прикрыла глаза и почувствовала это. Сосущее чувство. Оно не давало мне вздохнуть. С каждый ударом сердца, оно скручивало тянущей болью. И хотелось затолкать в эту огромную дыру посередине груди хоть что-то. Чем угодно ее заткнуть, только бы не ощущать больше жутко промозглого сквозняка.

Подскочив с дивана, я вытащила из шкафа телефон и включила его. И пока ждала загрузки, кажется, забыла, как дышать.

Посыпались сообщения. Раз за разом загорался экран. Рекламная ерунда, плюс пару сообщений от однокурсников с универа. Вот и все. Чего и стоило ожидать.

Проглотив горький привкус разочарования, понимаю сейчас, что должна увидеть его. Пусть не примет, пусть и дальше смотрит, как на сволочь и тварь. Но я должна объясниться, а дальше ему решать.

И как только принимаю и озвучиваю эти мысли, сразу так легко и хорошо становится. Подскочив с дивана, направляюсь в душ. Нужно привести себя в порядок. И даже если наша с Лукой встреча окажется последней, я хочу, чтобы он знал – я не предавала его.

– Миш, подожди меня здесь, – я вышла из задней дверцы машины, не обратив внимания на недовольный взгляд охранника.

– Ия, – окликнул он.

Я обернулась.

– Все в порядке. Я буквально на пару минут.

Он понимал, если со мной что—то случится, то отгребет по самое «не хочу», но и спорить сейчас со мной было бесполезно.

Пройдя в подъезд, поднялась на лифте. Сердце грохотало так громко, что я слышала только его бешеный стук. Я не знала, как он встретит меня. Я не знала, что именно увижу в квартире Варламова. Он ведь мог найти замену мне... Но об этом даже думать не хотелось.

Набрав побольше воздуха в грудь, постучала в дверь. А потом снова и снова. Замок все еще не работал, поэтому я стояла и обивала свои костяшки.

Прикрыла глаза, упираюсь лбом в холодную поверхность двери. С той стороны не было слышно ни звука.

– Открой, Варламов... Просто открой, – прошептала иссохшими губами.

Не откроет. Хорошо. Значит, я сама войду. Порывшись в сумочке, достала оттуда связку ключей. Он сам вручил мне их, значит, я имею полное право зайти в квартиру.

Осторожно повернув ключ в скважине, открыла дверь. Та же самая гробовая тишина. Скинув кроссы на входе, прошла внутрь. На кухне, в раковине чашка из—под кофе и несколько почерневших бананов на столе.

Это было странным. Такое чувство, будто Лука куда—то спешил перед уходом, раз посуду не вымыл. И казалось, будто его давно здесь не было.

Лука тот еще педант по части чистоты, а тут такой беспорядок. Прошла в гостиную, но здесь не за что было и глазу зацепиться. А когда оказалась в спальне, в нос ударил аромат его парфюма. Внутри все скрутило от дикого голода и тоски по нему. Открыв дверцу гардеробной, стянула с вешалки первую попавшуюся его рубашку. Прижала к груди и вдохнула аромат. И с каждым его вдохом, на душе легче становилось. Вот он. Родной, любимый. А если закрыть глаза и представить, будто не было ничего плохого, то совсем хорошо становится. Словно, он обнимет меня, будто его горячее дыхание щекочет шею и горячий шепот на ухо заставляет мурашки бежать по коже.

– Эй, Ослик, так ты наденешь свои чулки, или я так и останусь без приза? – в ушах его веселый, с нотками хрипотцы смех.

Я ведь знаю, что он тот бой сдал Илаю. Я смотрела его раз двадцать за последние несколько суток. Только и его смотрела. И каждый раз сердце кровью обливалось, когда Лука падает без сознания после удара Илая.

За секунду до финального удара, во взгляде Луки было столько нежности и любви к своему другу. Так мог поступить только Варламов. Самый странный, самый чокнутый и любимый.

Убрала на место рубашку, игнорируя дикое желание схватить ее унести с собой. Задержавшись в прихожей, все же вернулась и вымыла посуду. Выбросив бананы, захватила с собой и мусорный пакет.

Когда я вернулась в машину, Миша выглядел нервным.

– Я уже собирался искать тебя, – проворчал, заводя мотор.

Я не обратила внимания на его злость.

– Ресторан у вышки знаешь?

Миша нахмурился. Кивнул в ответ.

На часах был полдень. Обеденное время, и вряд ли Лука сейчас будет в клубе. Тем более, после боя прошло всего несколько дней. Ему нужна минимум неделя на отдых. Поэтому я решила, что найти в ресторане больше шансов.

Попросила водителя остановиться в квартале от здания. Не хотелось бы, чтобы ребята видели меня с Мишей. Я и так не знала, как меня встретят. Не хотелось усугублять.

Захлопнув дверцу машины, направилась к ресторану. И с каждым шагом становилось все страшней. За все три дня никто из зала так и не позвонил мне. Из чего я делала вывод, что ребята были в курсе последних новостей.

Подойдя ко входу, потянулась к двери, но в этот момент она открылась и на улицу вышла Марика. Ее глаза встретилась с моими, и лицо девушки тут же приобрело злое выражение.

– Чего приперлась? – сложив на груди руки, она скользнула по мне презрительным взглядом.

Было неприятно. Я даже поежилась от него. Все-таки у сестры Варламова сильная энергетика. Было больно понимать, насколько чужой я стала для нее в мгновение ока.

– Мне нужно поговорить с Лукой. Я была у него дома, но не нашла его, – прочистила горло, потому что голос неожиданно охрип.

Она смеется, окидывая меня брезгливым взглядом.

– А почему в клуб не сунулась?

Думает, испугаюсь туда пойти? Как бы не так

– Марика, я понимаю, ты злишься, но все не так, как кажется. Мне нужно с ним поговорить, я хочу объясниться...

В этот момент рядом с нами тормозит черный внедорожник. Из водительского появляется Илай. Выходит резко, мазнув по мне злым взглядом. А у меня сердце от страха не бьется. Он ведь тоже знает о пистолете. Нейман подходит к задней дверце, и, открыв ее, достает из заслона люльку с малышом.

– Привет, – кивает он Марике, а мимо меня проходит так, словно и не знает вовсе. И когда он скрывается в здании ресторана, я могу выдохнуть в облегчении.

– Вот, что я скажу тебе, милая моя, – сестра Варламова хватает меня за локоть, уводя за собой подальше от дверей.

– Мне пох*й, что ты собираешься ему сказать. Мне пох*й, что ты там себе думаешь и какая ты храбрая. Мы приняли тебя в семью, когда тебе нужна была помощь, дали все, что могли. А ты смотрела в глаза каждому из нас, держа топор за пазухой. Ты, чертова Вершинина, и с этого дня держись подальше от нашего ресторана, клуба и от моего брата. И если ты еще раз сюда придешь, тебе не поздоровится, ты все поняла? – она наступает на меня, в глаза мои смотрит, не скрывая ненависть.

Больно. Но я это заслужила. Признаю.

– Передай ему... – голос сорван, и мне приходится прилагать титанические усилия, чтобы не разрыдаться.

Она не дает мне договорить.

– Ключи дала.

Протягивает руку.

- Что?

- Ключи от его квартиры, быстро.

К глазам подступают слезы. Но я послушно киваю. Открыв сумочку, возвращаю ей ключи

- Марика, пожалуйста, передай, что я...

- Марика! - раздается громкий голос Илая. Мы обе оборачиваемся и видим мужчину, замершего в дверях.

Его холодные равнодушные глаза смотрят будто сквозь меня.

- Идем, пока не замерзла. Помощь нужна.

Она вздергивает бровью, в последний раз одаривая меня брезгливым взглядом и, развернувшись, уходит в ресторан.

А я стою как дура и пялюсь в закрытые двери некогда родного мне здания. Слышу, как звонит мой телефон. Снова и снова. Я достаю его из сумки, пытаюсь запихать обратно ком и нахлынувшие слезы.

Рома.

- Я в доме, а тебя нет! Куда ты смылась, сука ты наглая?! Почему мне звонит Юля и плачет?! Кто тебе дал право решать, кому жить, а кому нет в доме МОЕГО БРАТА?!

- Пошел ты... - цежу сквозь зубы, чувствуя, как по щекам текут реки.

- Я даю тебе полчаса. Если через это время тебя не будет дома, я найду тебя, Ия, и шкуру с тебя спущу!

Глава 5. Гостеприимство

Три месяца спустя

Затянулся сигаретой, с наслаждением выдыхая горький дым. Никогда не курил, а здесь пристрастился. Нужно бросать это дерьмо. А еще лучше накатить.

Услышал скрип распашных ворот. Не оборачивался, знал, кто за спиной.

– Твою мать, наконец-то из подземелья выбрались! – раздается громкий голос Огинского.

Не смотрю на него, чувствую рядом. Протягиваю пачку. Дема морщится.

– Ты завязывай с этим дерьмом, брат. С сегодняшнего дня начинаем тренинг, – в подтверждение слов делает бой с тенью.

Радуетя как ребенок. На лице улыбка до ушей, в глазах пожарище. Бл*, когда-то и я таким был. А сейчас стою, оглядываюсь назад и ничего не чувствую. Вроде получил то, что хотел. Дело закрыто и к нам нет претензий. А в душе кошки скребут и тревожно. Исай теперь зубами вцепится, хер отстанет, пока не получит свое.

Смотрю на часы. Илай опаздывает на десять минут. Мобила села, не смогу его сам набрать. Дема пытается реанимировать свой гаджет.

– Суки хоть бы подзаряжали их. А если бы мы дольше чалились, так и посадить батарейку недолго, – ворчит недовольно, убирая мобилу обратно в сумку.

– Идем на ту сторону дороги. Неймана подождем. Не хочу даже рядом стоять, – обернувшись, посмотрел на серые здания за воротами, передернуло от отвращения.

Дерьмовое место, тяжелое. В нем отлично чувствуют себя только мои демоны. Каждый день приходилось бороться с ними, спать под их гул в башке, под

ненавистный шепот.

Быть предателем всегда проще – ты можешь забыть о своем поступке, обосновать его, завесить одеялами собственных оправданий, чтобы глаз не мозолить. Ты можешь искренне считать себя красавчиком, потому что предатель всегда остается сверху, остается в тепле. А ты сидишь и пытаешься залатать подручными средствами дыру в спине. И нет возможности дотянуться до ножа, который вонзили. И не залечить эту рану никаким способом.

Дема со знанием дела покосился на серый забор за спиной.

– Сия гостиница – отвратнейшее место, – процедил недовольно, и пошел через дорогу. В этот момент мимо нас пролетела черная Тайота. Джип пронесся мимо, резко затормозив, а потом сдал назад, остановившись аккурат передо мной.

Подобрался весь, выкидывая в сторону недокуренную сигарету. Бл*ть, так и знал, что этот гусь с первой минуты присядет на плечи.

– Братан, – улыбается Дема, обнимая вышедшего со стороны водительской, Исаю. – Спасибо. Еще пару недель, и я бы *бнулся окончательно в этой клетке.

Исай смеется, хлопая Дему по плечу, а потом ко мне оборачивается, подходит. Смотрит с высоты своего роста, надменно так. Сукин сын. Понимает, что взял меня с потрохами, и теперь я его личная собачка на поводке.

– А ты не хочешь поблагодарить друга? – подкуривает, смотрит на меня хитро.

Сука.

– Я так понимаю, ты благодарность свою сполна готов получить, – жмем друг другу руки. И это нихрена не приветствие. Более близкое знакомство с противником.

– Поехали – угощу, пообщаемся. Мирон сегодня тусовку замутил. Алкоголь рекой льется, лучшие девочки города.

Приходилось сталкиваться с Гессом младшим. Мирон самый отбитый из всех братьев. Проводить вечер в компании таких, как он – было не лучшей идеей.

– Меня брат должен забрать. Другие планы были. Давай завтра, на свежую голову встретимся и поговорим.

Я пытаюсь обойти машину, но он снова возникает передо мной.

– Я тебя зову не в клуб, а в свой дом, – с нажимом. – А туда я не приглашаю кого попало, Лука. Ты же не станешь пренебрегать моим гостеприимством?

Я на заднем. Дема сидит рядом, как долбаный волчок крутится из стороны в сторону. Его гиперактивность начинает действовать на нервы.

– Я так и не узнал, откуда рожки росли, – произносит Исай, сжимая руль одной рукой. Бросает взгляд в зеркало заднего вида, пытаюсь поймать мой.

Гесс резко входит в поворот, отчего Дему подбрасывает в бок.

– Да че тут думать, это Вершишин, п*дла, – рычит Огинский. – Гесс, дай мобилу, матушке набрать.

Исай протягивает ему телефон. Тот утыкается в гаджет, а я внимательно слежу за дорогой. Не уверен, что это хорошая идея – идти пустым и в меньшинстве в логово братьев Гесс. Да и раньше я бы в жизни так не сделал. Но сейчас приходится выкручиваться из того дерьма, в которое меня окунул Рома.

– Не напрягайся ты так, – ловлю взгляд Исяя. – Илай в курсе. Я набрал его полчаса назад. Парни будут ждать тебя в ресторане. Я надолго не задержу.

Ёб*шки—воробушки, какие мы предусмотрительные. Покосился на Дему. Тот выглядел напряженным.

– Все в порядке?

Мой вопрос застал его врасплох. Оторвав взгляд от телефона, несколько секунд он сидел и пялился на меня в недоумении.

– Да маме плоховато. Соседка трубку взяла, говорит, вчера на скорой забрали. Я, наверное, к ней поеду, – Дема возвращает взгляд к Исаю.

– И куда ты поедешь? На часах девять вечера, там уже закрыто все, не пустят. Поехали, выпьем, отвлечешься. К тебе тоже дело есть. А завтра утром помчишься к матушке. Да и я чем смогу, помогу...

Как бы то ни было, Гесс прав. Зная нрав Демы, уверен, он устроит в больнице скандал. Достанется и охранникам, и ему самому.

– Дем, один вечер ничего не решит. Завтра утром вместе поедем.

Он кивает, сжимая кулаки.

Через минут десять мы въезжаем в небольшой поселок. Никогда здесь не был прежде, но слышал, что земля тут дорогая и в последние годы в этом месте скупают дома все шишки нашего округа.

Исай тормозит в самом конце улицы, там, где уже начинается лесная зона. Самый огромный и цепляющий взгляд дом – конечно же, принадлежит им.

Мы въезжаем через автоматически открывшиеся ворота. Исай паркует машину недалеко от них и мы выходит на улицу. Здесь так громко, что в ушах начинает болеть. Отвык от столь резких звуков. Все окна и двери здания – нараспашку. Везде горит свет и качает музыка. Перед главным входом больших размеров бассейн в форме буквы О. В нем, будто в муравейнике, полуголые парни и девушки. Справа от бассейна несколько мангалов, у которых стоит парочка типов. Запах барбекю берedit мой, уставший от скудной тюремной пищи, желудок.

– А-а-а, – протягивает довольно Исай, оборачиваясь ко мне. – А ты ехать не хотел! Сейчас откормим вас, Лука, – он обнимает меня за плечо, второй рукой забирая бокал с подноса, проходящей мимо официантки.

– Угощайся, – вручив мне его, берет второй и, чокнувшись, опрокидывает в себя.

– У-у-у! – растирая ладони, поднимает руки вверх.

– Милая, – он подходит к одной из полуобнаженных телок. – Давай, организуй нам столик.

Мы проходим мимо гостей. Смотря на все, что здесь происходит, понимаю, что мы с братьям – те еще старики—зануды. Нет, мы любим отрываться, и раньше это делали часто. Но такого пиздеца я еще не видел.

Справа на лежаке, прямо сейчас, длинноволосая блондинка отсасывала какому—то мужику. Порнхаб курит в сторонке. Сбоку от дома, у клумбы то ли с фикусом, то ли пальмой, сношались еще одни кролики. Практически все телки здесь ходили в одних лишь стрингах и без стеснения светили сиськами.

– Нравится у нас? – не без гордости спросил Исай, усаживаясь за накрытый стол.

Я устроился рядом. Дема едва мимо стула не плюхнулся. Ей богу, у него только слюна изо рта не стекала.

– Огинский – рыкнул на него. Дема посмотрел на меня невинно.

– Черт, Лука. Ты это видел?

В этот момент к нам подошла официантка и поставила на стол бокалы и бутылку виски.

– Дема, выбирай любую, дарю, – улыбается в тридцать два Гесс-старший.

Хитрый падла. Нет бы к делу и разбежаться, а он бдительность усыпляет. Через десять минут стол ломиться от жратвы. Мясо, пожаренное на гриле. рыба, куча сыров и овощей. Исай принимается за ужин, не обращая внимания на творящуюся в его дворе вакханалию. Такое чувство, будто все происходящее здесь для него обыденность.

– Варламов, ну как оно? Жизнь за решеткой? – произносит, опрокинув в себя шестой по счету шот. Я выпил пока три, но и от них успело унести. А надо бы сохранять здравый смысл как можно дольше. С Гессом уж точно.

– Жить можно, если только временно, – улыбнулся, чувствуя, как алкоголь течет по венам. Сделал еще глоток и прикрыл глаза. И такая легкость внутри. Басы музыки словно за веревки дергают мое обмякшее тело. Звездное небо над головой, запах алкоголя и веселья. Хочется думать, что она еще вернется... хочется верить, что все еще можно исправить.

Твою мать! И какая херня в голову лезет!.

Слышу грохот. В стороне бассейна драка. Я смотрю, как высокий загорелый блондин месит бедолагу. Тот уже на земле, а здоровяк сверху наносит удар за ударом. И то, с каким садистским удовольствием он это делает, не оставляет мне сомнений, что это Мирон, чтоб его, Гесс.

Дорубив парня, возвышается в полный рост. Его руки в крови, и он забирает сигарету у стоящего рядом зеваки. Закурив, хватает первую попавшуюся телку и притягивает к себе.

– Он у тебя совсем с цепи сорвался. Ты б ему транквилизаторы выписал.

Исай прожигает меня злым взглядом.

– Ты человека по обложке судишь, Варламов? Голова у него темная, а сердце верное, братское. Если бы у тебя были такие люди, ты не попал бы с Вершининым впросак.

– Кто?! Ну?! – взывает во все горло Гесс-младший. – Кто еще хочет поп*зд*ться?! – его пьяный крик заставляет напрячься каждого из присутствующих здесь. Если и есть у сумасшествия воплощение, то именно оно было сейчас в его глазах.

Весь двор замирает. Кажется, даже музыка становится тише. И вдруг, словно *бучий гром среди ясного неба, громкий выкрик Огинского.

– Я!...

– Огинский – рычу сквозь зубы.

– Да пох**, брат. Я такой злой и голодный, что и мамонта уложу, – он довольно потирает руками, уже готовый сорваться к Мирону.

– Сиди, сказал. У тебя бой через неделю,

Исай наблюдает за всем со стороны. С довольной ухмылкой смотрит, не скрывая своего удовольствия.

Сжимаю плечо Демы, чтобы не рыпнулся. Вижу, как с той стороны двора к нам направляется Мирон.

– Ну так и почему я стою и жду тебя? Или ты кричал «я», желая отпроситься в туалет? – ухмыляется Гесс—младший, перекатывая сигарету во рту.

Не слышу, чувствую утробный рык Демы, от которого вибрирует его тело. Он пытается подорваться с места, но я с силой давя на него, возвращая обратно.

– Рыпнешься, на два месяца забудь про клуб.

Огинский мечет в меня злым взглядом. Знаю, что поступаю как мудака, но другого выбора нет. Огинский злиться, но послушаться не решается.

– А ты че, его папочка? – влезает в разговор Мирон. – Варламов, помнится в прошлый раз ты немного смухлевал в бою, – он подходит к столу и взяв пару картошек фри из моего блюда, демонстративно отправляет их в рот.

– Ну так давай, выйди вместо своего сынули, или за решеткой яички потерял?

– Следи за... – Демид снова рвется в бой.

Я осекаю его. Бросив на стол салфетку, поднимаюсь из—за стола. Может это именно то, чего мне не хватало там для того, чтобы с демонами стало немного

попроще? Выпущу пар, да и Дему оставлю целым. Илай с меня шкуру спустит, если с Огинским что случится. Через пять дней ему в боях учувствовать. Это первый турнир, где Неман выступает тренером.

Делаю несколько шагов вперед, желая отойти от обеденной зоны. Мирон идет ко мне. Наглый, чокнутый, отбитый напрочь психопат. Сукин сын, слишком уверенный в себе. Он смотрит по сторонам, что—то выкрикивая в толпу. Все гости подтягиваются к нам, в надежде увидеть представление.

Я ни х*я не слышу. Тишина внутри полная. Я собран как никогда и все что я хочу – выплеснуть все, что корежит меня изнутри все эти дни. Все, что больно делает. Что не дает закрыть эту гребаную дверь в прошлое и начать жить заново.

Все, чему меня учили с детства – драться. Биться так, чтобы противнику не оставлять ни единого шанса. выкладываться по полной, умереть на ринге, но не отступить.

У Гесса нет ни единого шанса. Впрочем, как нет ни у одного из братьев, кто пойдет против. И сейчас я собирался показать Исаю то, чего он ждет.

Мирон прыгает вокруг меня, будто чертова мартышка. Разминаю шею, в то время как он делает выпад в мою сторону. Будто на замедленной съемке наблюдаю за тем, как его кулак летит в мое лицо. Мне нужна эта боль, она всегда помогала заглушить душевную. Но сейчас я не могу ей воспользоваться, потому что не могу позволить чокнутому ублюдку одержать надо мной верх. Даже в такой мелочи. Резко ухожу в сторону, и дальше все настолько машинально, что я не понимаю, как это происходит. Удар. Левый апперкот сопровождается хрустом его челюсти. Удар коленом в солнечное отталкивает его назад. Он звереет, мотнув головой снова летит на меня.

Удар. Это было проще, чем я думал. Это было быстрее, чем хотелось бы.

И он лежит на земле, с запрокинутой головой, без сознания.

Ни хера не вижу. По бокам пульсируют разноцветные полосы. Только когда поднимаю глаза, вижу как в мою сторону несутся несколько типов. На лице Демы застывшая улыбка восхищения, а Исай замирает, подбирается весь. Каменное непроницаемое выражение лица говорит о том, что он чертовски зол.

Гесс—старший поднимается, вытягиваясь во весь рост.

Я понимаю, что бегут не спасать Мирона – месить меня. Когда первый из них налетает, ухожу от удара, подсекая противника.

– Стоять! – раздается рык Исая и все замирают.

– Лука победил честно. Помогите малому...

И тут же все пятеро отходят от меня. Вижу, как несколько бодигардов помогают подняться Мирону и уводят его в дом. Музыка снова набирает громкость, отдыхающие продолжают резвиться, словно и не было ничего несколько минут назад.

А у меня внутри такое опустошение, какого давно не было. Словно выбросил с себя несколько тонн груза, который давил на грудную клетку не давая нормально дышать.

Ох*енно. Как заново родился.

Опрокидываю в себя сразу два шота, опускаясь в кресло. Исая сверлит меня взглядом.

– Приводи брата ко мне в клуб. Поднатаскаю. Дури много, а техника хромает.

Исай кивает, продолжая испытывающее смотреть на меня. На его губах улыбка, при виде которой хочется врезать ему пару раз.

– Если только ты станешь его личным тренером, Лука.

Я вижу, как к Гессу со спины приближается еще один брат.

– Исая, – хлопнув ему по плечу, переводит на меня колючий взгляд.

Высокий белобрысый громила. Этот самый мозговитый и адекватный из всей семьи.

Он жмет мне руку.

- Что происходит? - обращается к брату.

Исай пожимает плечами, откидывается на спинку кресла.

- Мирон позвал ребят из клуба. Присоединяйся.

Амирам подходит к Исаю в упор.

- У нас дело через три дня, а здесь половина города тусуется.

Исай остается абсолютно спокойным и расслабленным.

- Угомонись, Амир. Я сказал, все в порядке. Лучше присядь, обсудим новые движухи с нашим партнером.

Амирам нервно сжал кулаки, но послушно опустился в кресло.

- Итак, - Исай подался вперед, облокотившись о стол. - Раз в месяц я буду проводить деньги через твой клуб. Суммы не маленькие, поэтому тебе придется искать вариант обосновать такие большие передвижения.

Эта новость не удивила меня. Я знал, что в предложении Исаея будет много подводных камней. А один из них он вполне может захотеть накинуть мне на шею.

- О какой сумме речь?

- Сто штук зеленых.

С губ сорвался смешок.

- И каким образом я обозначу такие суммы в налоговой?

Исай пожал плечами.

– Участвуй во всех турнирах. Таскай своих бойцов по всевозможным боям. Можете принять участие в чемпионате по боям без правил, он будет проходить в моем клубе.

Хорошо, с этим я разберусь. На самом деле бабки можно списывать на выигрыш, с Гараниным в случае чего я договорюсь.

– А еще вы мне нужны на одно дельце. Ничего сложного, нужно будет в определенный момент перегнать тачки в Москву.

А вот теперь я злился.

– Не слишком ли ты дорого берешь за услуги? – откинувшись на спинку кресла, посмотрел на него.

Гесс был до раздражения уверен в себе.

– Свобода бесценна, Лука.

Сукин сын.

– Нет, Исай. Так дела не делаются. Мы договаривались о сотрудничестве на год. Договаривались о том, что ты будешь переводить кое какие бабки через нас. На этом все.

Гесс подался мне навстречу.

– Послушай, Лука. Я не могу прямо сейчас засунуть тебя обратно за решетку. Но не надо идти на конфликт с теми, кто может стать тебе хорошим другом. Я прошу об одном деле, но и тебе может еще понадобится помощь. Считай. буду у тебя в долгу...

Отказ он не примет, и я это понимал. Но и лезть в пекло, не осмотревшись, не хотелось.

– Я поговорю с ребятами. Сколько человек тебе нужно?

– Четверо, – улыбнулся Гесс, опрокидывая в себя очередной шот. – Ты ведь найдешь четыре надежных друга?

– Я услышал тебя. Созвонимся завтра.

Поднялся из—за стола, кивнул Деме.

– Амир, подвези ребят, – бросил Исай брату и протянул мне руку для прощания.

Спустя несколько минут мы на пути к выходу. Огинский идет впереди, я следом. Все пытаюсь понять. где бл*ть подвох. И как сильно изменят нашу жизнь новые друзья.

– А куда Арис делся? С ним порядок? – спрашивает Дема у Амира, как только мы усаживаемся в салон.

– Занят сегодня. Что с ним станет то. – усмехается Амирам.

Парни разговаривают о всякой херне, а я смотрю на дорогу.

Амирам самый адекватный и спокойный из всех братьев. Он у них как на процессор в компьютере, головной мозг.

Гесс – многодетная семейка. Все братья от разных отцов, но мать у них одна. Пьяница и наркоманка, опустившаяся еще в свои тридцать. По—моему лет в тридцать пять ее не стало. Все пацаны воспитывались в детском доме. Исай, самый старший, он и собрал семью, скотлив семейный бандитский подряд. Помимо четырех братьев есть еще и сестра. Когда то Дема рассказывал о ней. Элис также участвует во всех делишках. Не видел ее, но представляю, что там за девка.

Как только подъезжаем к клубу, и выходим из машины, из дверей здания гурьбой вываливаются ребята. Не успеваю сделать шаг, они толпой набрасываются на нас с Демой. Сплошная каша из многочисленных рук и голосов. В какой—то момент объятия становятся такими крепкими, что нечем дышать.

- Парни, ну наконец—то! У нас стол стынет! - улыбается во все тридцать два Нейман.

Когда минутный всплеск радости немного стихает, и нас выпускают, все начинают здороваться. Последними подходят Оскар и Марика.

- Привет, братиш...- обнимаю сестру.

Дема уже на полпути к клубу с Оскаром. Нейман как огромный великан—добряк. С его лица не сходит улыбка, и это так непривычно.

- А где мой крестник?

Он оборачивается.

- Нинель!

Проследив за его взглядом, замечаю жену Неймана. Она держит за ручку коляску, катая ее. Рядом с ней стройная рыжеволосая девушка. Она стоит спиной ко мне, я не вижу ее лица. Но эти рыжие волосы и аппетитный зад... Сука.. внутри все пламенем охватывает от этой картины.

- Эй, цыпленок. - подхожу к ней.

Обернувшись, Нинель смотрит мне в глаза. Я читаю в них тревогу. Девушка обнимает меня.

Где Лука младший? - заглядываю в коляску. Там розовощекий мальчуган сладко сопит, посасывая соску.

- Цыпленок, когда на секцию его приведешь? Надо начинать уже сейчас, к пяти годам пойдем на страну, - улыбаюсь, поднимая к ней глаза. А она все такая же напряженная.

-Лука, - вдруг раздается женский тихий голос. И он не принадлежит Нинель, потому что ее губы не двигаются. А еще от ее голоса меня не шарашит так, как сейчас.

Я резко оборачиваюсь и застываю как истукан. Она. Та самая худая, рыжеволосая. Глазища еще больше стали, а в них печаль застывшая.

- Привет, мы можем поговорить?

Глава 6 Сложности восприятия

Злые взгляды, грубость, неприятие. Все это я ожидала и совершенно не была удивлена, когда приехав к клубу, наткнулась на все вышперечисленное. Марика едва ли не драться на меня бросилась, если бы не Нинель, не знаю, чем бы все закончилось.

Только плевать мне на их косые взгляды и недовольства. Аська сказала, что сегодня Луку выпустили. Подруга узнала эту информацию от отца, тот работает в органах. Вот я и рванула сразу же сюда. В надежде увидеть его, в надежде на то, что он посмотрит на меня иначе.

Я изменилась. Три месяца чистого ада и ежедневной борьбы с собой. Каждую минуту, каждую секунду я вынуждена быть в диком напряжении. Вокруг меня голодные гиены, и я не знаю куда идти. Верней, знаю, и пришла к единственному человеку, любовь и забота которого мне нужны как воздух.

И вот он, только что вышедший из тонированного джипа. В это же мгновение на Варламова налетает толпа ребят. А я стою и жадно выглядываю его из огромного количества незнакомых мне людей.

Не изменился совсем, только стрижки сейчас не было, вместо нее отросшие вьющиеся волосы. Такой родной, хоть и далекий сейчас.

Я стояла у стены дома, там, куда меня буквально вытолкала Марика, и дышать не могла. Не могла глаз от него отвезти, в то время как нутро кричало: Посмотри! Взгляни хоть одним глазком на меня, Варламов! Посмотри, какой я стала.. Я теперь достойна такого как ты! Я стала лучше, ради тебя. Знал бы ты как тяжело мне дается эта борьба, знал бы, в каком аду я нахожусь ежесекундно.. Но ты ведь не знаешь ничего. Обнимаешь друзей, целуешь

сестру.. тех, кто остался тебе родным, тех, кто не предал тебя.. а я предела.

В какой—то момент боли становится так много! Я расстегиваю куртку, в надежде, что это поможет мне сильнее вдохнуть. Но воздуха все равно не поступает. И я понимаю, что больше ждать не смогу. Ни секунды, ни мгновения.

Делаю шаг навстречу, а меня вдруг за руку хватает кто—то.

- Не стоит этого делать. Подожди здесь, он заметит тебя.

Нинель. Ее ладонь ледяная, а в глазах теплота такая, какой давно не видела. Растерянная, не спорю, послушно остаюсь. Она только что вышла из здания клуба, с коляской. Жена Неймана укачивает малыша.

Мне хочется спросить, как они. Хочется посмотреть на сынишку, поддержать его на руках. Мне хочется так много рассказать и так о многом спросить! У нее, у Марики, у Демида. Они были мне семьей, а стали чужими. До сих пор не по себе.

К глазам подступают слезы. Отвернувшись, смахиваю их с глаз, злясь на себя. Не хочу, чтобы видел меня слабой и хнычущей. Хочу, чтобы посчитал достойной себя. Чтобы увидел во мне - тот самый идеал нерушимый. Может хотя бы тогда выслушает, а не прогонит?

В сумке трезвонит телефон. Либо Оскар, либо Аська. Подруга ждет меня в гостях. Вчера я просилась к ней переночевать. После истерики Юли, мне придется заново покупать гардероб. Она сожгла практически всю мою одежду, бросалась на меня, выгоняя из дома. Три месяца назад они с Ромой все—таки перебрались в дом Глеба. И с этого дня жизнь стала совсем невыносимой. Я попросилась пожить к Аське, но Оскар забрал меня из ее дома. Он поселил меня в своем коттедже, и вчера сделал предложение, о котором я даже думать не хочу.

И то, что именно сегодня Варламов очутился на свободе - больше, чем знак. Он - тот, под чьим крылом я хочу спрятаться. Если, конечно, он захочет дать мне свое тепло.

– Эй, Цыпленок, – слышу совсем рядом его голос. Каждый нерв сковывает ледяными путями. Сердце бьется так сильно, что в какой—то момент мне кажется, будто оно выпрыгнет из груди.

– А где мой крестник? – голос тихий, ласковый. Петлей на шею эта нежность мне. Сердце пропускает удар, а перед глазами темнеет все. И я понимаю, что не могу ждать ни секунды.

Пытаюсь сказать что—то, одновременно поворачиваясь к нему. Но с губ только еле слышное шипение рвется. В горле пересыхает, я стою и глазами его поедаю. Вблизи он еще красивей. Уставший немного, но это ничуть не портит его.

Лука что—то говорит Нинель, а на меня даже не смотрит. Но я не позволю себе уйти ни с чем. Не зря ведь с Марикой боролась!

– Лука... – тихо, еле слышно. Свой голос не узнаю.

– Нам нужно поговорить..

И замираю. Не дышу вовсе, когда он поднимает ко мне глаза. Шок, неверие... а потом холод... И это так больно...

Молчит. Вижу, как ходят желваки на его скулах, как раздуваются ноздри. Злится.

– Лука, прости, Марика велела ей уйти, но девочка отказывается...

– Ты еще здесь?! – раздается разъяренный крик Марики. – Может уже отвалишь от нашей семьи, долбанная Вершинина!

– Марика, – рычит на нее Лука, и, выставив руку вперед, не дает своей сестре налететь на меня коршуном.

Она замирает, со злостью смотрит на него.

– Идите, отдохайте. Я сейчас подойду

Он поднимает на меня взгляд, от которого внутри леденеет все.

- Пошли..

Он открывает дверь и проходит в клуб. И как только я переступаю порог здания, вся храбрость и стойкость улетучивается. Все, что я пыталась из себя построить - ничто, пустое, пепел.

На спину его широкую, сильную смотрю, на крепкую шею и умираю от боли. Задыхаюсь от тоски по нему. И знаю ведь уже сейчас, что осталась все такой же, недостойной его. Он всегда был на уровень выше, всегда недосыгаемым казался. Убегала, стараясь думать о том, какой он бабник и гад, а по сути, в этих мыслях зарывала главные свои страхи. Боялась, что нравиться ему перестану, что неинтересной вдруг покажусь, а он уйдет, исчезнет навсегда.

Сейчас еще больше боюсь. Вдыхаю родной уже запах помещений, чувствуя себя здесь чужой, враждебной, отверженной.

- Лука, привет! - вдруг со стороны зала на него кошкой выпрыгивает Катя. На девушке короткий топ и шорты. Она подходит к Луке и, приобняв его, целует в скулу. Я замечаю в ее руке огромный бутерброд и думаю о том, что ей не мешало бы килограмм пять сбросить. К горлу тошнота подкатывает, и я не пойму отчего - от запаха еды, или от того, как крепко она прижимается к нему.

Помню, в прошлый раз Варламов поставил девушку на место. В прошлом...
Забудь, Ия, все поменялось

Обнимаю себя зябко, пока они общаются. Мне ужасно неуютно. Паника накатывает. Заталкиваю упрямые слезы внутрь, стараюсь дышать ровно и неглубоко, чтобы не накрыло прямо тут. Чтобы болью не захлебнуться.

- Кать, ты иди к ребятам, я чуть позже подойду.

И тут я чувствую ее взгляд, меня начинает трясти от него. Презрение, злость в нем. Не смотрю в их сторону, просто упираюсь взглядом в пол, ощущая себя ничемным существом.

– Удивительно, и как ее Марика впустила? – проговаривает неслышно, но каждое едкое слово долетает до моих ушей.

– Катя, иди, – произносит с нажимом.

Слышу, как отпирается дверь его кабинета, а потом тихое, хриплое, от которого сердце к горлу подскакивает.

– Заходи...

И пытаюсь сделать шаг. Честно, пытаюсь! Но вдруг все меркнет перед глазами, и вместо того, чтобы гордо поднять голову и войти, я понимаю, что начинаю «уплывать». Ноги неподвижны, язык не слушается, и я даже не могу сказать Луке, что мне плохо. Просто чувствую в один момент, как его руки ловят меня. Тепло его чувствую, и инстинктивно жмусь лицом к горячей твердой груди. И это то самое затишье, тот самый спасительный кокон, из которого не хочется выбираться.

– Ия! Ия! – его голос с нажимом. Распахнув глаза, потихоньку приобретаю возможность видеть. Я у него на руках, а взгляд такой взволнованный, и столько тревоги в нем. Лука хмурится.

– Ты как?

– Нормально. Прости, устала сильно.

Он кивает, заносит меня кабинет и укладывает на диване.

– Тебе нужно что—то? Может, позвонить кому, чтобы забрали?

Он намекает о Роме? И, несмотря на заботу, такая холодность в словах. От этого болью стягивает желудок. Поджимаю губы, отрицательно качая головой.

– Нет, прости. Все нормально. Если можно, воды..

Варламов поднимается и выходит из кабинета. А я пользуюсь секундной передышкой, стараясь прийти в себя.

Идиотка. Не могла продержаться немного! Просто несколько минут..

- Держи, - он появляется так быстро.

Я принимаю из его рук бутылку. Она слишком плотно закрыта, так, что мне никак не справиться с ней.

- Да что с тобой? Ты заболела? - со злостью забирает из моих рук и, отвинтив крышку, протягивает обратно.

- Выглядишь, как узник концлагеря.

Я делаю глоток и отдаю воду обратно. Значит, вот так я выгляжу в его глазах? Три месяца чистого ада, но все еще с лишними кило. А ему все равно не так? Снова есть во мне что—то, что не может позволить посмотреть на меня как на достойную?

Я не хочу никакого разговора. Я вижу, что он другим стал. Холодным, отчужденным. Больше нет моего Луки. Стоит открыть глаза, и посмотреть на правду.

Я одна. На краю обрыва, и некому мне руки подать...

- Не хочу отнимать твое и свое время - прочистив горло, поднимаю на него глаза.

Он стоит у стола, облокотившись о него. Руки в карманах, взгляд расслабленный, где—то даже равнодушный.

Лука кивает.

- Говори.

- Я хотела бы прояснить ситуацию с пистолетом и Глебом. В ваших глазах я выгляжу сволочью и предательницей. Да, я была в курсе о том, что из этого оружия убили Потапа. Я просила тебя помочь мне, так и не раскрыв всей

правды.. Не потому что это было моим планом изначально. Я просто не смогла этого сказать.

Он молчит. В глазах ни единой эмоции, и от этого мне еще сложнее.

- Давай на чистоту. Потапа это не вернуло бы, а Глеб... Он - мой брат, моя семья. Я хотела помочь ему, а еще боялась потерять тебя...

На его губах улыбка кривая. Ехидная, выжигающая кислотой итак израненное нутро.

-Глеб - твоя семья, - кивает словно сам в чем—то только что убедился. -Только скажи, а кем были мы? Кем была Марика, Лешка, Илай, Нинель... в конце концов, кем был я?

Его слова ранят так больно, что я не сразу нахожусь с ответом.

- Ты не понимаешь... - в моих глазах слезы. Я понимаю, что там стена. Не пробьешь, не изменишь ничего. Между нами огромная пропасть.

Он кивает.

- Не понимаю, Ослик, - подходит, в глаза мне смотрит, касается моих волос. И от этого действия, ноги подкашиваются. - Не понимаю, потому что ты была для меня всем.

У меня слезы по лицу текут, а он притягивает к себе.

- Я так устала, Варламов... я так устала... - в грудь его упираюсь, задыхаясь от слез.

Варламов молчит. Просто замирает в обнимку со мной.

- Марика, она теперь ненавидит меня, - голос сорван, ломаный какой—то.

И сейчас он не отвечает. Продолжает покачивать в объятиях. А я пользуюсь тем, что он дает. Все беру, до последней капли. Пять минут рядом с ним? Что ж, и этому рада. Знаю ведь, что больше не будет возможности побыть с ним.

- Не плачь больше. Пусть все хорошо у тебя будет, - подцепив подбородок, вглядывается в глаза мои.

А в его я читаю приговор. И сердце не бьется.

- Это все? - губы не слушаются, мне хочется разрыдаться, раскричаться во все горло.

Ему больно. Я же вижу, как борется с собой. Вижу как сглатывает, силясь сказать то, что окончательно разобьет последнюю надежду.

- Ты не перестанешь быть Вершининой. Я не перестану быть тем, кем являюсь, Ия.

Пусть так. Если ему проще, я должна отпустить. Должна научиться жить без него, должна идти дальше. Смахнув с глаз слезы, отстраняюсь от него.

Хочется исчезнуть. Просто перестать существовать. Смотрю в глаза его холодные, равнодушные, а самой орать хочется. Душу нараспашку перед ним, броситься в ноги и умолять, чтобы не бросал, чтобы шанс дал. Просто пусть рядом будет... Когда он со мной, я ничего не боюсь. Ни Юли, ни Ромы, ни смерти Глеба. Я все готова принять, даже самое страшное. Только бы за руку меня держал. А сейчас вижу, что нет для меня места здесь. Ни в семье его, ни под крылом. Не нужна, даже такой, похудевшей на пятнадцать килограмм. Он Кате улыбается, и так ласково отвечает ей, а когда на меня смотрит, холодом зубы сводит.

Стук в дверь.

- Лука, ну ты скоро? - Марика, чтоб ее.

- Иду, - отвечает, все еще в глаза мне смотрит.

Дверь закрывается, а я в себя прихожу. Нужно просто уйти. Плакать и орать буду там, в запертой спальне. Ненавидеть себя, презирать. И его ненавидеть начну. Обязательно начну, только нужно время, чтобы собраться.

– Посиди здесь. Демид тебя отвезет домой. Не стоит в таком состоянии по улицам одной бродить.

Он отходит от меня. Его руки больше не греют, его запаха больше нет. Мне так холодно. Смотрю на него и сдохнуть хочется. А он забирает куртку с кресла и даже не обернувшись, выходит за дверь. Слышу смех Марики и его голос. И меня снова от боли пополам сгибает.

Глава 7. Да

Я выхожу на улицу и, не останавливаясь, направляюсь к остановке. Хочу отойти на пару кварталов и вызвать такси. Телефон в сумке дребезжит уже минут пять. Оскар. Горькая улыбка кривит губы. Не звонил ведь совсем, а тут места себе не находит. Будто чувствует, что рядом Варламов.

В этот момент возле моих ног резко тормозит старенькая Хонда Цивик. Пассажирское окно опускается, и из глубин салона слышны оглушительные басы музыки.

– Прыгай в тачку, я спешу, – Дема недовольно хмурится, отворачиваясь.

А мне не по себе становится. Словно одолжение мне делает. Не нужна мне их жалость. И то, что Варламов заставил Огинского везти меня домой – унижает.

– Я сама доберусь, езжай, куда ехал, – развернувшись, начинаю идти по тротуару. Душу в себе слезы. Запихиваю всю боль внутрь. Здесь, на улице, вдали от Луки мне намного легче собраться. Теперь мне плевать на все. Я сейчас соберусь и буду жить. И без них смогу.

Демид резко газует, и спустя секунду его машина вдруг заезжает на тротуар, тормозя в нескольких сантиметрах от фасада здания. Он перегораживает мне путь и выходит из салона. Облокотившись о крышу, нагло пялится на меня.

- Слушай, стукачка, хватит мне характер свой показывать. Знаю я его. На улице темнеет, не хер одной тусить. Поехали, расскажу, как за решеткой погостил, - а на губах улыбка до ушей, и так тепло от нее.

- Ты так сильно хочешь поговорить об этом? - задрал подбородок, складываю на груди руки.

Он в изумлении вздергивает бровью.

- Ты видела подвеску на этой старушке? А я за тобой через бордюр перелетел. У тебя еще есть вопросы, жестокая ты женщина?

Легко мне с ним. И всегда так было. Несмотря на то, что порой он меня до чертиков раздражает, все равно люблю этого идиота. И скучала жутко.

Дема усаживается на водительском, а я вдруг слышу тихий смех. И только когда оказываюсь в машине, понимаю, что этот смех мой, и смеюсь я впервые за очень долгое время.

Дема газует и мы, со скрипом днища об бордюрную плиту, выезжаем на проезжую часть. Кривлюсь от того, насколько жалко машину.

- Тебя куда? - спрашивает, будто ни в чем не бывало.

- За город, в поселок Яркий.

Дема играет бровями.

- Разбогатела и прикупила себе домик?

- Если бы, - смеюсь, отворачиваясь к окну.

Странно это все. Не знаю, как говорить с ним. Что можно сказать, а что подействует на него триггером. Лука даже знать меня не хочет, а вот что думает о сложившейся ситуации Демид я не пойму.

- Ты похудела, круто выглядишь, - раздается его тихий голос.

Я поворачиваюсь к Огинскому, и понимаю, что его слова делают мне приятно. Как бы я хотела услышать их от другого. От того, кому теперь не нужна. Да и разве нужна была когда—то? Не хочу об этом думать, снова желчь по гортани поднимается.

- И как оно? За решеткой? Ты теперь разговариваешь по фене и носишь звезды на коленках?

Он косится на меня. Улыбается так криво, что сердце замирает.

- Твой братец, конечно, пытался сделать из меня отборного зечару, и мы должны были присесть лет так на пятнадцать минимум, но..

По телу озноб пробегает.

- Мой брат? Рома?

Демид косится как—то странно.

- А ты типа снова не в курсе? - ухмылка его наглая, недобрая задевает. Злюсь на нее. Вся эта грязь и холод ко мне от Марики, Луки. Все это вдруг трансформируется в такой гнев! Получается, я еще и в аресте виновата?!

Я узнала о том, что Варламов за решеткой пару недель назад. До этого каждый день по дороге в универ, в окна его дома заглядывала, надеясь увидеть. Но там безнадежно темно было. А потом мне Аська сказала о том, что Лука сидит. Ее отец дома случайно обронил, мол, чемпион и хозяин бойцовского клуба у них за решеткой. С того самого момента я места себе не находила. Ни есть, ни спать, на лекциях только о нем мысли. Пару раз за малым не сорвалась в ресторан. Только Марика не пустила бы на порог.

А сегодня утром Аська позвонила и сказала, что выпустили их. Я и ломанулась в клуб. Все по боку – лекции в универе, запреты Оскара и грубость сестры Варламова. Его увидеть хотела, убедиться, что в порядке. Убедилась? А теперь выходит, что и здесь я виновата. Получается, именно Рома их упрятал за решетку.

И так обидно мне стало.

– Представь себе, не в курсе! Останови...

Схватила за ручку двери. А Демид только смотрит на меня удивленно.

– Зачем?

– Я пешком пройду. Останови, не нужно мне ваших подачек, ясно тебе?! Не нужно смотреть на меня так, будто я хуже вас!

Снова плакать хочется, от этого ненавижу себя еще больше. Демид не реагирует. В ответ только скорость набирает.

– Огинский!

– Отвали, Вершинина, ясно тебе? – даже не смотрит в мою сторону. – Я сказал, что довезу. Не хочешь, не общайся. И не хер мне тут хвостом вертеть. Твоя семейка заварила кашу, и мы все еще не расхлебали это дерьмо.

Я молчу. Разве есть смысл говорить о том, что я тут не при чем? Он такой же как и все остальные. Отвернувшись, плююсь в окно. Злюсь на себя, и на них. Вдруг чувствую, как Огинский дергает меня за волосы. Отталкиваю его руку, а спустя несколько секунд это повторяется снова.

– Я сейчас всеку тебе, – рычу, повернувшись. А он улыбается как дурачок.

– Ну вот, мы пришли к тому с чего начинали.

Усмехаюсь горько.

- Будешь? – протягивает мне жвачку.

- Нет, спасибо.

Пожав плечами, засовывает пластинку себе в рот. Жует и хмурится.

- Как камень бл*ть. Три месяца провалялась, – нажимает кнопку, опуская стекло и выплевывает жвачку прямо на дорогу.

Несколько минут мы едем в полной тишине.

- Ты правда так думаешь обо мне? Что я с Ромой заодно?

Дема поворачивается, смотрит так напряженно мне в глаза. А потом тормозит у обочины. И я только сейчас понимаю, что мы на моей улице. За два дома до коттеджа Оскара.

- Я бы проводил тебя, но к матушке спешу, – хмурится парень.

- Все в порядке?

- В больнице лежит, – он смотрит на часы. – Буду пробираться через окно. Ребята узнали номер палаты.

- Здоровья ей, – улыбнувшись, понимаю, что не хочу выходить.

Классно с ним, если не думать о настоящем. В салоне машины даже воздух такой как в клубе Варламова... Можно представить, будто все хорошо, и я все еще часть семьи. А еще я думаю о том, что не хочу видеть Оскара. Только не сейчас, не сегодня. Он ведь снова тот разговор заведет, и на этот раз мне не уйти от ответа. Знаю уже, что другого выхода нет. Черту провести придется между прошлым и настоящим.

Молчание затягивается. Я открываю дверь и выхожу на улицу.

- Эй, стукачка, – окликает Демид.

Парень выходит из машины, опирается руками о крышу.

– Он отойдет. Дай ему время. Твой брат подкинул кучу проблем, и сейчас жизнь Варламова изменится. Очень сильно.

Мне хочется, чтобы Дема оказался прав. Но сегодня Лука забрал у меня последнюю надежду.

– Нет, Дем. Он гордый, и жестокий. И если он отворачивается, то навсегда. Спасибо тебе... ты даже не представляешь, как помог.

Огинский подходит ко мне, обнимает за плечи.

– Если что, я всегда готов стать твоим другом по сексу. Ты же знаешь, я не подведу, – шепчет на ухо. Его ладонь сползает ниже талии.

Я шлепаю его по плечу, отстраняясь. А он смеется во весь рот.

– Езжай уже быстрее отсюда, Огинский. А то в больничку как пациент загремишь! – бурчу беззлобно.

Дема отстраняется и подмигивает мне. Смотрю на то, как он усаживается в машину, как срывается с места с жутким визгом шин, и стараюсь вспомнить, как дышать то? Как начать жить? Ведь их больше не будет... ни одного из них.

Дема сказал, что жизнь Варламова изменится. Огинский даже не представляет, как изменится моя, когда я переступлю порог этого дома.

Неспешно иду к дому. Погода теплая, совсем не типичная для осени. Лука снова на свободе, он в порядке – это главное. Да и я сделала все, что могла. Пришла, поговорила, объяснилась. А уж как принять мои слова – это уже его дело.

Ворота разъезжаются и охранник приветливо машет рукой. Я прохожу по подъездной дорожке, поднимаюсь по крыльцу. В гостиной меня встречает Алина. Домработница Оскара. Женщина сдержанно кивает и просит меня подняться наверх. Оскар ждет меня в кабинете.

По спине пробегает озноб. Я стараюсь не думать ни о чем. Я просто иду, преодолевая ступеньку за ступенькой. Первая дверь от пролета – его кабинет. Замираю на мгновение. Стараюсь лихорадочно перебрать в голове все оставшиеся варианты. Хотя бы один? Тот, за который можно ухватиться. Но кого я обманываю? Лука отобрал его сегодня. Забрал и даже глазом не моргнул.

В горле пересыхает. Сглатываю и, сделав глубокий вдох, поднимаю руку, постучав в дверь.

– Да, – раздается напряженное, и в этот момент я переступаю порог комнаты.

Его холодные глаза впиваются в меня. Оскар напряжен. Откидывает в сторону бумаги, резко поднимаясь из—за стола. Он ястребом срывается в мою сторону, и на секунду мне становится страшно.

– Ия, ты где была?! Я битый час звоню! – в голосе тревога и злость. Уже ставший постоянным коктейль эмоций.

Он замирает в нескольких сантиметрах от меня. Готов разорвать на куски, готов придушить от злости. Но он не сделает этого. Оскар – единственный, кто не способен сделать мне больно.

Я знаю, что он имеет право на эти эмоции. Сейчас сложное время, и Оскар пытается сделать все, чтобы защитить меня.

– Где. Ты. Была? – с нажимом, в глаза мне смотрит.

А у меня слезы.

– Я согласна. – кажется, будто не я произнесла.

Все словно во сне. Не по—настоящему. Не так все должно было быть. Не с ним.

Он замирает в изумлении.

– Что? – а у самого голос тихий.

Я поднимаю к нему глаза, а внутри тишина полная.

- Это мое решение. Я говорю: «да».

Глава 8. Волчьи повадки

Вышел на улицу – темно, хоть глаз выколи. Остановился у подъезда, закурил. До назначенного времени меньше пяти минут, парни вот—вот подъедут. Полдня выбивал дух из груши, две тренировки провел, плюс несколько встреч по работе. Только мысли ни хера не очистились. Как бы сильно не выматывал себя, ничего не помогает. Не выжечь мне ее из себя.

Достал телефон, экран загорелся яркой подсветкой. Поморщился, затягиваясь сижкой. Выпустил сквозь стиснутые зубы дым в сторону, а пальцы, словно сами зная, что делать, нажимают иконку инсты. Ее страница первая в поиске, профиль открыт. Пролистываю ленту, в универе с подружками и какие—то типы рядом. Красивая, но чужая... На кой хер все это с собой сделала? Щеки впалые, глаза огромные, как и губы. Малышкой моей была... а теперь и намека на нее прежнюю нет.

Убрал телефон, услышав звук работающего мотора. Черный джип затормозил у ног, тут же открылась задняя дверь. Сделал две быстрые затяжки и выбросил окурок в сторону.

- Братка, давай живей. На выезде пробки обещали, - Остап за рулем, хмурится.

Они все напряжены до предела. Все, кроме Огинского. Тот будто пятилетний ребенок, пришедший на цирковое представление.

Усаживаюсь в салон, закрывая дверь. Остап тут же срывается с места. Дема весь в черном, с капюшоном на голове.

- Маскируешься? - усмехнулся, пожимая ему ладонь.

– Выбираю, – на губах появилась улыбка. Он протягивает мне телефон, на экране которого телка в купальнике, сжимает ладонями сиськи и дуёт губы в камеру.

– Кончал бы ты в тиндере зависать, да к доку сходи, проверься...

Дема кривится, с обидой забирая гаджет.

– Да иди ты, Лука. В тиндере как раз и стоит зависать. Отменный отсос, горячий трах и разбежались. Никто мозг не *б*т...

И то верно. Были времена, придерживался тех же правил. Бл*ть, и когда это я не на ту дорожку свернул?

– Исай встретит нас, или кто—то из братьев будет? – спрашивает Нейман.

По голосу понимаю, что он не в духе.

– Будет на месте. Он должен инструкцию дать, провожающего нам приставить.

– Как бы не кинул нас Гесс – бурчит Остап, потирая затылок.

– Не разводи нытье, – рычит Илай. – Сам знаешь, выбора нет. Сделаем все как надо и спать... – Нейман зевает, в этот момент у него звонит телефон.

– Да цыпленок.. – отвечает в трубу.

– Не кинет нас Гесс, – Дема разминает шею. – Не пойму, че вы сыте. Хапнем адреналинчика, развлечемся, и долг выплатим. Все лучше, чем киснуть с алкашкой в баре, – Огиский косится в мою сторону. И, ей богу, в любой другой момент этот засранец отхватил бы по полной.

– Что с Вершининым? Когда уже яйца ему подрежем?

В этот момент Нейман сбрасывает вызов и убирает телефон в карман.

– Демид, можно за базаром следить, пока я с женой говорю? – бурчит Нейман.

Знал бы Огинский, как сильно я хочу разобраться с этим уродом. Пальцы сами в кулаки сжимаются при звучании его имени.

- Нельзя его пока трогать. Если шею свернем, все стрелки на нас укажут. А я за решетку больше не хочу. Нужно обдумать все хорошо. Нагнем его красиво, Дем.

Малой кивает, удовлетворившись моим ответом.

- Чего злой такой? - тычу в сиденье Нейману. Брат устало растирает ладонями лицо.

- Да всю ночь не спал, у малого живот болит, Нинель отсыпалась, а я качал...

- Бл*, вот поэтому я не завожу детей, - бурчит Демид.

Я смотрю на него с улыбкой.

- Бл*, как будто тебе есть от кого их заводить, Огинский, - киваю в сторону гаджета, туда, где его ждет та самая шлюха с миньетным ртом.

Спустя десять минут мы подъезжаем на место. Промышленный район с рядом невзрачных серых зданий. Заезжаем во двор одного из закрытых заводов. Полуразрушенное строение и темнота - больше ничего тут нет.

- Твою ж, ну и задница, - выдыхает Дема.

Мы с парнями обмениваемся взглядами. Нейман молчит. Да и что он скажет, решение принимали вместе. А теперь уже не съехать с темы. Придется возвращать долг.

Слышим урчание моторов. И даже так по звуку понимаю, что это мощный двенадцати цилиндровый движок Хуракана. Я знаю как поет эта птица, давно охочусь на нее.

И когда мимо нас пролетают четыре ласточки ярко красного, желтого и белого цветов, я понимаю, что мы вляпались в серьезное дело.

– Вот это них** ж себе, – присвистывает довольно Дема, в тот момент когда последняя из Ламборджини тормозит у наших ног.

Когда белая дверь открывается, из нее выходит Исай. В черном спортивном костюме и кожанке поверх него. На лицо надвинут козырек бейсболки, так что мне не рассмотреть его физиономии.

Стоит ему появиться на улице, Исай вставляет между губ сигарету, подкуривая ее.

– Рад видеть, – Гесс—старший протягивает мне ладонь. Я жму ее, напряженно осматривая тачку.

Нет номеров, да и корпус девственно чист. Когда я понимаю, в чем тут дело, меня начинает трясти от злости.

– Ты хочешь, чтобы мы везли ворованные тачки?

В этот момент к нам подходят братья Исая. Амир поправляет кепку, сверля нас волчьим взглядом. Мирон судя по глазам под чем—то – этот чувак даже не дело идет заряженный.

Я чувствую, как напрягается Илай с Остапом. Нейман осматривает машины.

– Арис, – Исай подзывает только что вышедшего из первой тачки брата. – Повесь номера и раздай доки.

– Мирон.

Тот поворачивается к брату, наконец—то переставая бадаться взглядом с Нейманом.

– Пробей волну, чтобы ментов не было.

Гесс старший открывает багажник Ламбо и достает оттуда спортивную сумку. Раздает каждому телефон и по наушнику.

– Будем на связи. В телефоне навигатор, едите по указанной дороге. Держитесь чуть поодаль друг от друга, чтобы не привлекать внимание.

Нейман смеется.

– Как мы можем не привлекать внимание? Они ж бл*ть как новогодняя гирлянда! Не мог тачки попроще угнать?

Гесс поднимает на него наглый взгляд, его губы кривит улыбка.

– Ты же чемпион, Нейман, так сделай все красиво, как умеешь.

Слышу рычание, и на автопилоте выставляю руку в бок, тормозя Неймана. Тот уже зверем рвется к Гессу.

– Я тебе сейчас покажу, как умею, – цедит сквозь зубы Илай. – Мы договаривались о другом, а ты подставляешь нас, долбаный ты м*дак!

– Можешь уйти, – улыбается в ответ Исай, продолжая бесить Неймана своей наглостью. – Но если все выгорит, десять кусков зелени ваши, и я отваливаю. Пока сами не придете и не попросите...

– Брат, тормози... – понимаю, что ничего не сделать. Ясно, что Гесс подстраховывает задницы братьев. Но пойти в отказ, значит развязать войну еще и с его семьей. А сейчас нам этого совсем не нужно.

Нейман сверлит меня напряженным взглядом. Но спустя несколько мгновений его тело немного расслабляется. Наконец—то башка заработала. Киваю ему, хлопнув по плечу.

– Будет погоня, – ярость в голове Неймана стихает.

В этот момент к нам подходит Амир. Он только что закончил вешать номера на тачки, вручает нам доки.

– Не переживай, погони до утра не будет. А вы к трем часам ночи будете на точке, вот здесь, – он показывает на пятисотый километр на трассе.

– Там гостиница небольшая будет и поворот. Заедите за нее, там несколько гаражей. Вас встретит наш человек.

– Еще один будет вести вас, на всякий случай, – бросает Исай.

– Дорога чистая, ментов нет, – из машины выходит Мирон. В его руках что—то типа рации.

Гесс подходит ко мне. Вручает мне ключи.

– Давай, Варламов. Еще подсядешь на это дело. Адреналин как наркотик – потом хер слезешь, – улыбается, сверля меня взглядом. Я думаю о том, что настанет день, когда я смогу разъ*бать его наглуую физиономию.

Я прохожу мимо, игнорируя его реплику.

– Илай, ты первый, потом Остап, потом Дема, я замыкаю. Сильно не газуем, едем спокойно, пока не покинем город.

Нейман кивает. Парни рассаживаются по машинам. Я устраиваюсь на водительском той, на которой приехал Исай. Ну и все бл*ть. Добро пожаловать в мир криминала, Варламов. Будь Потап, вряд ли бы позволил этому случиться.

– Все чисто, я на трассе, – раздается в наушнике голос Неймана.

– Дем, не гони ты так! – это Остап.

– Да че вы нудные такие, мужики! – один Дема кайфует от ситуации. – Когда еще на таких тачках погоняем?! Бл*, себе такую хочу. Ставьте меня на все бои!

Я думаю о том, что на такую тачку ему можно заработать только у Гесса. И точно не на боях.

Давлю на газ. Мотор довольно урчит, будто только что проснувшийся хищник. И я знаю, что он может больше, и, бл*ть, до зуда хочется испробовать это «больше», ощутить на себе...

До поста остается всего несколько кварталов. Парни проехали спокойно. Как только выеду на трассу, можно будет дать немного воли. Сжимаю руль, скорость набирается так плавно и быстро, что я не замечаю, как стрелка переваливает за сотню. За очередным поворотом все ближе выезд, и когда я прохожу по кольцу, замечаю разноцветные огни мигалок на обочине.

– Твою ж, – цежу про себя, внутренне подбираясь. Сжимаю руль, подъезжая к посту, и когда гаец машет жезлом, требуя остановиться, я пытаюсь сообразить. Да и что тут прикидывать? Так хотя бы шанс будет.

Торможу у обочины и достаю из бардачка доки, выданные Гессом. Замираю, готовый в любую секунду сорваться с места. Опускаю стекло, и смотрю в лицо только что подошедшему командиру.

Гул в голове нарастает. Каждая мышца наливается тяжестью, а по венам растекается адреналин. Я нихера не слышу, что он там несет. Просто в один момент, когда мент затыкается, протягиваю доки. Он внимательно сканирует их содержимое, и вдруг рация на его плече начинает говорить.

– Внимание всем постам... – скрежет и шум радиоволн режет слух. Пальцы сами собой сжимают руль, а внутри состояние как перед боем. Собран на все двести, и понимаю, что, если сорвусь, х*й дам себя догнать.

– Угнаны спортивные автомобили марки Ламборджини в количестве четыре штуки, не допустить выезд из...

Поднимаю взгляд на мента и, словно в замедленной съемке вижу, как он опускает глаза на корпус тачки, как они расширяется от удивления. И только когда раздается бешеный визг шин, трущихся об асфальт, когда я срываюсь, за несколько секунд разгоняясь до ста километров в час, понимаю, что только что сиганул в карьер. Черта пройдена. Позади только пыль да копоть. Больше

ничего...

Спустя несколько минут позади раздаются звуки погони. Сирены то стихают, то нарастают. Врубаю навигатор, изучая местность. Главное, чтобы не было пробок, так оторвусь в легкую.

– За мной погоня, меняйте маршруты. Добираемся врозь.

– Я прикрою тебя, – раздается напряженный голос Илая.

– Нет, бл*ть! Я сказал, каждый по отдельности! Конец связи.

Отбрасываю рацию в сторону, ругаясь сквозь зубы. Чертов Гесс! Трепло бандитское. Говорил же, что до утра не хватятся!

Позади меня два экипажа. Разгоняю тачку практически до двухсот километров. Скорость по венам адреналином льется, заставляя сердце работать на износ. Мысли четкие, ясные.

Наша связь с машиной становится тесной – мы словно единый организм. Мы сросшиеся, вжившиеся друг в друга. Ее жизнь зависит от меня, а моя от ее скорости.

Экран телефона загорается. Входящий от неизвестного номера. Тянусь к гаджету и принимаю вызов, пытаюсь одновременно с этим уходить от встречных авто.

– Через пару километров будет поворот, съезжай с трассы, там лесополоса перед поселком, я помогу спрятаться!

Вызов сбрасывается, а я них*я не пойму. Женский, тоненький голос. Кто это?

Не успеваю закончить мысль, слышу за спиной сирену. У них там что, второе дыхание открылось? Гайцы на хвосте, до поворота еще минуты три. Вдруг вижу впереди яркие огни. Еще три экипажа впереди перекрывают мне дорогу. Приплыли, бл*ть.

– Летать ведь не умеем? – раздаётся насмешливое в тишине. Ухмыляюсь, понимая, что с двух сторон приперли.

Направо небольшая проселочная дорога. На раздумья уходят сотые доли секунды. Резкий поворот, и по тормозам. Меня заносит, но удается вырулить в последние секунды. Бедная подвеска – пару раз цепляю кочки дном, прорываясь вперед. На навигаторе съезд на дорогу через несколько метров. Позади звуки сирены, и здесь мне далеко не оторваться. Нужно уходить на асфальт. Справа, чуть вдалеке, виднеется развилка, и я срываюсь в ее сторону.

Внезапно, из—за поворота на меня вылетает грузовик. Твою мать! Резко вправо, и меня уносит с дороги. Пытаюсь уйти от стоящего впереди дерева, но не успеваю. Жуткий грохот, меня подбрасывает до потолка, когда я прочесываю крылом по стволу. Резко по тормозам и голову взрывает от резкой боли. Садануло об руль так, что звезды из глаз посыпались.

Отстегиваю ремень, завожу машину и пытаюсь выехать. Но она увязла в грязи. Сука! В сердцах ударяю об руль, уже слыша за спиной оглушительный вой сирен.

Выбираюсь из тачки, пытаюсь осмотреться. Нужно валить в лес. Только не успеваю и нескольких метров пробежать, как замечаю направленный на меня ствол пистолета. Это еб*ть какой эпический конец.

– Стоять! – кричит мент, подбегая.

Улыбка кривит губы. Так тупо попасться! Да уж, это полный п**ец.

Глава 9. Наглая стерва

– Мордой в пол!

– Спокойно! – поднимаю руки, позволяю менту заломить их за спину. Он кладет меня лицом на капот.

Из машины выходит второй гаец, передает инфу по рации. Через несколько минут здесь будет целый отряд ментов. Выбить у него пистолет? Вырваться? А потом что?! За сопротивление накинута еще лет пять. Твою ж... Долбаный Гесс! Он труп.

- Лежать! - на одну руку он уже надел браслет. Второй гаец тусуется рядом.

- Нежнее, бл*ть! - рычу, когда заламывает руку так, что от боли скручивает.

- Помогите! Помогите! - вдруг раздается женский испуганный визг.

Повернув голову, замечаю, как из лесопосадки выбегает девчонка. Тоненькая, с длинными белокурыми волосами. На ней только джинсы. Грудь незнакомки абсолютно голая.

- Помогите! - кричит она не своим от паники голосом. - Там насильник! Маньяк! Помогите! - когда она подбегает, я вижу, что ее губная размазана по лицу. Один из ментов, достает пистолет и отправляется по направлению леса.

Она плачет, прижимается к тому, который меня держит.

- Девушка, успокойтесь, - гаец в шоке. Он удерживает меня, одновременно с этим пытаюсь что-то произнести в рацию. Но беглянка то и дело дергает его за рукав, не давая позвать подмогу.

- Помогите! Он напал на меня, он хотел меня убить! - слетает с ее губ.

Мент вздергивает меня на себя, ведя по направлению экипажа.

Девчонка догоняет нас, и когда ровняется со мной, я ловлю ее взгляд. И это заставляет меня замереть. Странная она какая-то. Дикая что ли... Не похожа на жертву, в глазах и тени страха нет. А когда мент толкает меня снова, требуя двигаться вперед, на ее губах расплывается хитрая улыбка.

- Красивая тачка... - она кивает в сторону Ламбо.

- Идем, - раздается рычание мента и тычок в спину.

Когда мы оказываемся у машины, девчонка подбегает к гайцу.

– Выстрел? Вы слышали? – она хватает полицейского за плечо. Тот отталкивает ее.

– Вы слышали, он убил его! Вашего напарника! – восклицает, то и дело оборачиваясь в сторону леса.

Открыв дверцу авто, тот пытается запихнуть меня, и в этот момент происходит нечто... ну совсем неожиданное. Резко потянув его к себе, девчонка ударяет гайца кулаком в лицо. Того откидывает, но незнакомка не дает ему придти в себя. Новый удар валит его с ног. В мгновение ока она оказывается сверху. Теперь его руки заломаны назад и спустя еще секунду они скованы наручниками. Вытащив из его кобуры пистолет, она забирает его себе.

– Твою мать, – рычит, подавая мне ключи от браслетов, которые вытянула вместе со стволом.

И пока я стою и шокировано пялюсь на эту фурию, она осматривает свою ладонь.

– Черт, ноготь сломала, – вздыхает расстроено.

Я стою как полоумный и смотрю на полуобнаженную наглую стерву с глазами олененка.

– Ты собираешься валить отсюда? – спрашивает она.

Точно.

Стягиваю с себя наручники и отбрасываю их в сторону. А когда поднимаю на нее глаза, вижу, что девчонка успела натянуть футболку.

– Ну? Пришел в себя? – произносит, ехидно изогнув бровь и сложив на груди руки. – Больше ничего не отвлекает?

Ее соски все еще торчат из—под футболки.

Я киваю.

– Так значительно лучше.

Девчонка осматривается по сторонам.

– Он вернется сейчас, нужно валить.

Тачка увязла в грязи по самое «не хочу».

– Я застрял.

Незнакомка вздыхает.

– Ладно, сейчас, – она произносит это так, словно уже задолбалась носиться с пятилетним мной. Наглая выскочка. Хорошо бы устроить ей небольшую порку, чтобы знала как себя вести со взрослыми дядями. Но, пожалуй, оставим наказание на потом.

Девчонка уходит куда—то. Я же подхватываю под руки мента и запихиваю его в тачку. Все это время он кроет меня матом, обещая мне все виды египетских казней.

Вырубаю рацию, и цепляюсь взглядом за часы на приборной панели ментовской тачки. У нас всего несколько минут перед тем как тут будет целый полк полиции. Закрыв мента в машине, возвращаюсь к Ламбо.

Завожу мотор, видя, как из леса вырывается черный внедорожник. Он тормозит немного впереди и из водительской двери выходит та самая актриса.

Она открывает багажник, достает оттуда трос. Я думаю о том, что несмотря на свою худобу и невысокий рост, силы в ней как в титане. Это ведь надо – мента уложила в один присест.

Я выхожу из машины, желая ей помочь, и, вдруг слышу выстрел за спиной.

– Стоять на месте! – а это второй гаец. Вернулся с поимки несуществующего маньяка.

Мы замираем оба. Я поднимаю руки вверх, лихорадочно оценивая шансы. Нужно как—то вырубить его, чтобы сильно не навредить. И бежать. Другого выбора нет.

Он подбегает ко мне.

– Лежать! – передергивает затвор.

Тишину ночи нарушает только его отдышка. Я киваю, делая вид, будто собираюсь послушно опуститься на землю, но, когда он приближается ко мне, резко выбиваю из его руки ствол. Оружие летит в сторону, а я пробиваю ему в корпус. Мент валится на меня, нанося беспорядочные удары. Один из них я пропускаю и оказываюсь на мокрой траве. Снова удар. На секунду в глазах темнеет. Я пытаюсь выбраться из—под него, но едва пошевелив ногой, понимаю, что не могу. Ее разрывает от дикой боли. Настолько сильной, что к горлу подкатывает тошнота.

– Отъ*бись от него! – раздается ее громкий крик, а спустя секунду выстрел. Я буквально слышу, как пролетает пуля над нашими головами. Не хватало еще замочить мента. С этой чокнутой станется.

– Угомонись! Я сам! – рычу, через боль двигая ногой.

Резким ударом выбиваю из его рук ствол и беру мента в захват, на удушающий. Давлю, пока он не перестает сопротивляться. А потом откидываюсь обратно на землю. Вижу склонившееся надо мной лицо девчонки.

– Наручниками свяжи его, – хриплю, пытаюсь встать.

Она выполняет мой приказ.

– Он живой? – спрашивает удивленно.

Ты посмотри, переживать начала?

- Живой. Спать лег.

Кое—как приняв сидячее положение, осматриваю бедро. Чуть выше колена огромная дыра в джинсах и кровавое месиво вместо ноги. А на земле, в нескольких десятках сантиметров торчит железный штырь. По всей видимости, воткнулся в него во время падения, а во время драки разорвал рану.

- Идем! - раздается над головой.

Она права. Нет времени расслаиваться. Нужно рвать когти. Поднимаюсь на ноги, отсранаясь, отключая все ощущения. Подхватив мента под руки, оттаскиваем его в тачку к его напарнику.

- Прости, брат - достаю у первого свои доки, он что—то кричит мне в ответ, но я захлопываю дверь и спешу к тачке.

Девчонка уже успевает прицепить трос. Спустя секунд десять мы запрыгиваем в машины и газуем. Она вытягивает меня на асфальт. Выпрыгнув из тачки, стягивает трос и выбрасывает его.

Набираем скорость. Я лизорадочно осматриваю салон. Врубаю рацию, в ней тут же звучат помехи.

На телефоне входящий. От нее.

- Сейчас сменим маршрут.

Не думаю, что поблизости остались дороги, где нет ментов. Да и тачка слишком яркая для таких наглых маневров.

- Лучше пересидеть.

- Нет, тачка должна быть в три часа ночи на месте. Без вариантов.

Твою мать!

– Я разбил ее. Фары нет, – поглядываю в боковые зеркала. Внутри все в пружину стянуто от тревоги. Погони нет, и это хорошо. Может, пронесет?

– Не ссы, красавчик, – ее голос разрывает динамик. – Я прикрою твой роскошный зад, – от ее смеха, у самого губы в улыбке плывут.

Пищит рация.

– Все в норме? Ты как?

Это Илай. Безумно рад слышать брата. Уже думал, что встрял по полной и не скоро увижу друзей. Но нет, я все еще в обойме.

– Практически, – нажимаю кнопку на рации.

– Скажи спасибо Элис, – новый голос. Исай. Значит он где—то неподалеку. Возможно, ведет кого—то также, как меня вела эта сумасшедшая.

– Тот, кто проверял ментов – полное говно. Конкретно облажался, – в разговор вклинивается девчонка.

Исай смеется.

– Я все слышу, – рычит еще один Гесс. И по всей видимости, это Мирон.

А я имя ее на языке перекаत्याю. Элис...Элис. Так это чокнутая – сестра Исая? Твою мать, тогда ясно, в кого она такая! Ну и семейка!

Глава 10. Никогда не верь Гессу

Спустя бесконечно долгих два часа мы заезжаем в гараж. Это нечто похожее на металлический ангар, весь напичканный оборудованием. У дальней стены уже

стоят три Ламбо. Значит, парни вернулись

Заглушаю мотор, но на протяжении нескольких минут остаюсь на месте. Не выхожу из салона. Сдавлив пальцами глазницы просто сижу в полном оцепенении. Несмотря на то, что все позади, и мы прибыли в конечный пункт, внутри до сих пор все напряжено до предела. Кажется, тронь – взорвусь к чертям.

Слышу, как открывается дверь. Повернувшись, встречаюсь с наглой улыбкой девчонки.

– Ты как, живой?

С губ усмешка срывается. Переводя взгляд в лобовое, вижу, как к одной из тачек подходят несколько парней. Открыв багажник начинают разбирать его. Достают коврики, какие—то панельки, сбрасывая все это на пол.

– Что происходит?

Девчонка пялится в экран телефона, на который только что пришло смс.

– Твои парни уже у Исяя, ждут тебя.

Чувствую прикосновение ее руки к своему животу. Вздрагиваю от неожиданности. Элис залезла в машину и в данный момент внимательно осматривает мою рану на ноге. Словно бл*ть так и надо, застыла лицом у моей ширинки и трогает пальцами бедра.

– Хорошо смотришься, – не могу сдержаться от колкости.

Она вдруг поворачивается, щурится недобро, одновременно с этим давя на ногу совсем рядом с раной.

– Твою ж! – шиплю, выпуская воздух сквозь зубы, а в глазах темнеет от боли.

– Осторожней...

Она выпрямляется.

- Либо степлер, либо клей. Выбери, – деловито складывает на груди руки.

- Что?

Я выхожу из тачки, но когда пытаюсь наступить на ногу, понимаю, что не могу. Едва не падаю.

- Рана глубокая, нужно обработать и стянуть, так не срастется.

Усаживаюсь в стоящее неподалеку кресло. Она достает из своей тачки сумку с нарисованным на ней крестом и открыв ее начинается рыться в медикаментах.

- Ты же не собираешься сейчас штопать мою рану?

Девчонка поднимает на меня удивленный взгляд.

- А ты думаешь, лучше поехать в больничку? Чтобы они твою физиономию засветили? Кто знает, что сейчас творится в городе. Да и в любом случае, ближайшая больничка в полутора часах езды отсюда. А нам еще Мирона ждать.

Она надевает медицинские перчатки, обрабатывает их спиртом.

- Не переживай, красавчик, – достает из сумки небольшой железный предмет. – Знаешь, сколько раз я братьев латала? Исаю один раз пришлось бровь собирать, а он тот еще нарцисс. Не дай бог, кто испортит его божественную красоту...

Ладно, рана вроде не сильно глубокая. Пусть залатает. В любом случае, до завтра в больничку мне не попасть. Да и светиться сейчас очень некстати.

Стягиваю джинсы, пока она наглým образом пялится на мой зад.

- Вот так, – поливает обеззараживающей жидкостью, заставляя меня шипеть от боли. Стискиваю челюсти, пока девчонка ловкими движениями стягивает рану и закрепляет ее скобами.

От боли бросает в холодный пот. Не вижу ни хера. Кто—то протягивает мне бутылку с вискарем, и я незамедлительно отпиваю жидкость. Она прожигает пищевод, проникая внутрь, разогревая кровь и немного снимая напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/roman_violetta/teper-my-kvity

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)